

Часть первая.

Объ основныхъ понятіяхъ психологій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Различіе между душою и тѣломъ.

I.

Съ чего слѣдуетъ начинать.

Систематическое изложеніе научныхъ истинъ представляетъ своего рода опасности, отъ которыхъ иногда не легко бываетъ уберечься. Употребляя общія формы—опредѣленія предмета, раздѣленія его на части, послѣдовательнаго расположенія этихъ частей, и т. д., мы невольно принимаемъ на себя такой видъ и начинаемъ держать такой тонъ, какъ-будто мы вполнѣ владѣемъ предметомъ, какъ-будто наше изученіе его достигло окончательныхъ результатовъ. Всѣ пробѣлы, нерѣшенные вопросы и вопросы о законности самихъ вопросовъ, о правильности ихъ постановки, отступаютъ на второй планъ, и наука теряетъ свой существенный характеръ изслѣдованія.

Подобныя ошибки едва-ли не чаще всего встрѣчаются и господствуютъ въ, такъ называемыхъ, эмпирическихъ наукахъ. Авторъ, провозгласивъ вначалѣ, что умозрѣніе должно быть совершенно изгнано изъ науки, и что каждое научное понятіе и положеніе должно быть добываемо путемъ опыта, по строгимъ правиламъ индукціи, тотчасъ же начинаетъ излагать свой предметъ совершенно догматически, то есть даетъ намъ готовые

термины, дѣленія, общіе законы и объясненія, не указывая того, какъ они добыты, и не заботясь ни мало о томъ, чтобы доказать правильность ихъ добыванія и невозможность никакихъ иныхъ результатовъ. Правда, факты приводятся во множествѣ, но они не анализируются на глазахъ читателя, а являются только, какъ подтвержденіе уже заранѣе сдѣланнаго анализа. Авторъ-эмпирикъ, безъ малѣйшей запинки, вводитъ въ свое изложеніе понятія и категоріи всякаго рода, которыхъ онъ ни откуда не выводитъ и ничѣмъ не оправдываетъ, а нѣкоторыхъ даже вовсе не замѣчаетъ, то есть вовсе не видитъ, что они вошли и играютъ у него извѣстную роль. Вся эта сложная смѣсь понятій и положеній вовсе не выводится изъ опыта съ тою тщательностію и осторожностію, о которой любятъ говорить эмпирики, а берется откуда попало, составляется, большею частью, неизвѣстнымъ для самого автора способомъ и только *прикидывается* къ опыту, только провѣряется на немъ, въ той надеждѣ, что онъ, какъ хорошее сито, пропустить сквозь себя одну муку и удержать всякій соръ и всякія отруби.

Въ сущности, эти приемы не имѣютъ въ себѣ ничего научнаго. Истинно-научнымъ изложеніемъ можно назвать только то, въ которомъ по возможности ясно отражался бы самый методъ изслѣдованія, внутренній ходъ мысли. Поэтому одинъ изъ самыхъ изящныхъ приемовъ состоитъ въ томъ, чтобы начинать не съ общихъ положеній и опредѣленій, а съ частнаго факта, съ отдѣльнаго примѣра, и потомъ восходить анализомъ до общихъ понятій и выводить вопросы, постановкой и изслѣдованіемъ которыхъ занимается наука. И вообще, недурно искать нѣкотораго естественнаго порядка изложенія, указываемаго свойствами самого предмета и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится его изученіе. Такъ, изложеніе элементарной химіи начинается обыкновенно не съ общихъ понятій объ элементахъ, ихъ соединеніяхъ и т. д., а съ описанія *кислорода*; за кислородомъ идутъ другія простыя вещества, въ извѣстномъ, наиболѣе удобномъ порядкѣ, и постепенно объясняются необходимыя категоріи и возрастаетъ сложность фактовъ. Въ философскихъ наукахъ, можетъ быть, всего удобнѣе тоже начинать съ отдѣльнаго факта, а именно съ какого-ни-

будь факта исторіи философіи, съ опредѣленнаго ученія, высказаннаго однимъ изъ героевъ этой исторіи. Такое ученіе можетъ представлять и большую законченность и ясность мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ законченность и ясность выраженія, обыкновенно свойственную самобытнымъ мыслителямъ. Начавъ съ такого ученія, можно будетъ потомъ строгимъ развитіемъ переходить къ той научной формѣ и къ тому научному содержанию, которыя мы признаемъ за наилучшія.

II.

Cogito, ergo sum.

Психологію всего лучше, кажется, начинать съ Декартова: *Ego cogito, ergo sum.* Если бываютъ перевороты въ человеческой мысли, то показателемъ одного изъ величайшихъ такихъ переворотовъ нужно считать это изреченіе, по видимому столь простое и малосодержательное. Совершенно достовѣрно, что безъ той постановки вопроса о душевныхъ явленіяхъ, которую сдѣлалъ Декартъ и которая отражается въ его изреченіи, были бы невозможны не только Спиноза, Мальбраншъ, Лейбницъ, но и Локкъ, Беркли, Юмъ и т. д. Психологическія понятія, явившіяся въ теченіе всего періода новой философіи, а слѣдовательно и тѣ, которыя имѣютъ силу теперь, должны вести свою родословную отъ Декарта. Если нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ прямомъ противорѣчій съ его основными положеніями и съ выводами, которые были получены отъ дальнѣйшаго развитія этихъ положеній, то въ этомъ нельзя еще видѣть доказательства независимаго происхожденія такихъ понятій. Отрицаніе извѣстной мысли возможно только тогда, когда сдѣлано ея утвержденіе.

Свое *cogito ergo sum* Декартъ, какъ извѣстно, принималъ за исходную точку своей философіи. Поэтому съ такого положенія удобно начать свои разсужденія, когда мы желаемъ имѣть позади себя какъ можно меньше предвзятыхъ мыслей.

Чтобы имѣть передъ собою этотъ историческій фактъ во всей его чистотѣ и полнотѣ, возьмемъ прямо подлинныя слова

Декарта, излагающія начальную точку его философіи. Первое, очень бѣглое изложеніе этой его мысли появилось въ *Discours de la méthode* (1637), а потомъ онъ со всею полнотою изложилъ ходъ своего разсужденія въ *Meditationes de prima philosophia* и, наконецъ, повторилъ его со всевозможною строгостію и вмѣстѣ краткостію въ книгѣ *Principia philosophiae*. Мы возьмемъ это краткое и строгое изложеніе. *Начала философіи* Декарта начинаются *) такъ:

1.

«Такъ какъ мы рождаемся дѣтьми и составляемъ разныя сужденія о вещахъ прежде, чѣмъ достигнемъ полного употребленія своего разума, то многіе предразсудки отклоняютъ насъ отъ познанія истины; избавиться отъ нихъ мы, повидимому, можемъ не иначе, какъ постаравшись разъ въ жизни усумниться во всемъ томъ, въ чемъ найдемъ хотя бы малѣйшее подозрѣніе недостоверности.

2.

«Все, въ чемъ мы станемъ сомнѣваться, полезно будетъ даже считать ложнымъ, для того, чтобы тѣмъ яснѣе намъ увидать, что же есть самое достоверное и самое удобное для познанія.

*) 1) Quoniam infantes nati sumus, et varia de rebus sensibilibus iudicia prius tulimus, quam integrum nostrae rationis usum haberemus, multis praepjudiciis à veri cognitione avertimur; quibus non aliter videmur posse liberari, quam si semel in vita de iis omnibus studeamus dubitare, in quibus vel minimam incertitudinis suspicionem reperiemus.

2) Quin et illa etiam, de quibus dubitabimus, utile erit habere pro falsis, ut tanto clarius, quidnam certissimum et cognitu facillimum sit, inveniamus.

3) Sed hæc interim dubitatio ad solam contemplationem veritatis est restringenda. Nam, quantum ad usum vitae, quia presaepe rerum agendarum occasio praeteriret, antequam nos dubiis nostris exsolvere possemus, non raro quod tantum est verisimile cogimur amplecti: vel etiam interdum, etsi è duobus unum altero verisimilius non appareat, alterutrum tamen eligere.

4) Nunc itaque, cum tantum veritatis quaerendae incumbamus, dubitabimus in primis, an ullae res sensibiles aut imaginabiles existant: Primo, quia deprehendimus interdum sensus errare, ac prudentiae est nunquam ni-

3.

«Но это сомнѣніе нужно ограничивать однимъ лишь со-
«зерпачіемъ истины. Потому что, что касается до житейскихъ
«дѣлъ,—такъ какъ очень часто случай дѣйствовать прошелъ
«бы прежде, чѣмъ мы могли бы выпутаться изъ нашихъ сом-
«нѣній,—мы вынуждены нерѣдко останавливаться на томъ,
«что лишь вѣроятно; или даже иногда, хотя бы одно не ка-
«залось намъ вѣроятнѣе другого, выбирать однако же которое-
«нибудь изъ нихъ.

4.

«Итакъ, когда мы стремимся только къ изслѣдованію
«истины, мы начинаемъ съ того, что станемъ сомнѣваться,
«существуютъ ли какія-нибудь чувственные или воображае-
«мые вещи: во первыхъ потому, что замѣчаемъ, что наши чув-
«ства иногда заблуждаются, а благоразуміе требуетъ никогда
«слишкомъ не довѣрять тому, что разъ насъ обмануло; во вто-
«рыхъ потому, что каждый день намъ во снѣ кажется, что
«мы чувствуемъ или воображаемъ множество вещей, которыя
«вовсе не существуютъ; и для того, кто подобнымъ образомъ
«сомнѣвается, нѣтъ никакихъ признаковъ, посредствомъ кото-
«рыхъ онъ вѣрно различалъ бы сонъ отъ бдѣнія.

mis fidere iis, qui nos vel semel deceperunt: Deinde quia quotidie in somnis innumera videmur sentire aut imaginari quae nusquam sunt: nullaue sic dubitanti signa apparent, quibus somnum a vigilia certo dignoscat.

5) Dubitabimus etiam de reliquis, quae antea pro maxime certihabimus: etiam de Mathematicis demonstrationibus, etiam de iis principiis, quae hactenus putavimus per se nota; tum quia vidimus aliquando nonnullos errasse in talibus, et quaedam pro certissimis ac per se notis admississe, quae nobis falsa videbantur: tum maxime quia audivimus esse Deum, qui potest omnia, et a quo sumus creati. Ignoramus enim, an forte nos tales creare voluerit ut semper fallamur, etiam in iis, quae nobis quam notissima apparent: quia non minus hoc videtur fieri potuisse, quam ut interdum fallamur, quod contingere ante aduertimus. Atque si non à Deo potentissimo, sed vel à nobis ipsis, vel à quovi alio nosesse fingamus, quo minus potentem originis nostrae auctorem assignabimus, tanto magis erit credibile, nos tam imperfectos esse, ut semper fallamur.

6) Sed interim à quocunque tandem simus, et quantumvis ille sit potens, quantumvis fallax: hanc nihilominus in nobis libertatem esse experi-

5.

«Станемъ сомнѣваться и во всемъ другомъ, что прежде считали за самое вѣрное; даже въ математическихъ доказательствахъ, даже въ тѣхъ началахъ, которыя мы до тѣхъ поръ считали само-собою ясными; во первыхъ, такъ какъ видимъ, что иные ошибались въ этихъ предметахъ и признавали за достовѣрнѣйшія и само-собою ясныя начала то, что намъ кажется ложнымъ; во вторыхъ, преимущественно потому, что мы слышали, что есть Богъ, который можетъ все, и которымъ мы созданы. Ибо мы не знаемъ, не захотѣлъ ли онъ, можетъ быть, создать насъ такими, чтобы мы всегда ошибались, даже въ томъ, что намъ кажется самымъ достовѣрнымъ: такъ какъ, повидимому, это столь же возможно, какъ и то, что мы иногда ошибаемся,—а мы видѣли уже, что это случается. Если же мы вообразимъ, что происходимъ не отъ всемогущаго Бога, а отъ себя самихъ или отъ кого-нибудь другого, то, чѣмъ менѣе могущественъ будетъ предположенный нами источникъ нашего происхожденія, тѣмъ вѣроподобнѣе будетъ, что мы столь несовершенны, что постоянно заблуждаемся.

6.

«Однако же, отъ кого бы мы ни произошли, и какъ бы онъ ни былъ могущественъ, какъ бы насъ ни обманывалъ, мы находимъ въ себѣ нѣкоторую свободу, именно, что всегда

mur, ut semper ab iis credendis, quae non plane certa sunt et explorata, possimus abstinere; atque ita cavere, ne unquam erremus.

7) *Sis autem rejicientes illa omnia, de quibus aliquo modo possumus dubitare, ac etiam falsa esse fingentes: facile quidem supponimus nullum esse Deum, nullum coelum, nulla corpora; nosque etiam ipsos non habere manus, nec pedes, nec denique ullum corpus; non autem ideo nos qui talia cogitamus nihil esse: repugnat enim, ut putemus id quod cogitat, eo ipso tempore quo cogitat, non existere. Ac proinde haec cognitio, ego cogito, ergo sum, est omnium prima et certissima, quae cuilibet ordine philosophanti occurrat.*

8) *Haecque optima via est ad mentis naturam, ejusque à corpore distinctionem agnoscendam: Examinantes enim quinam simus nos, qui omnia quae à nobis diversa sunt supponimus falsa esse, perspicue videmus, nullam*

«можемъ воздержаться отъ вѣрованія въ то, что еще не совершенно достоверно и дознано, и такимъ образомъ предохранимъ себя отъ всякаго заблужденія.

7.

«Если такимъ образомъ станемъ отвергать все то, въ чемъ какимъ бы то ни было образомъ можемъ сомнѣваться, «и даже будемъ считать все это ложнымъ, то, хотя мы легко предположимъ, что нѣтъ никакого Бога, никакого неба, ни какихъ тѣлъ,—и что у насъ самихъ нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни вообще тѣла; однако же не предположимъ также того, что и мы сами, думающіе объ этомъ, не существуемъ: ибо нелѣпо признавать то, что мыслить, въ то самое время, когда оно мыслить, несуществующимъ. Вслѣдствіе чего это познание: я мыслю, следовательно существую, есть первое и вѣрнѣйшее изъ всѣхъ познаній, встрѣчающееся каждому, кто философствуетъ въ порядкѣ.

8.

«И это—лучшій путь для познанія природы души и ея различія отъ тѣла: ибо, изслѣдуя, что же такое мы, предполагающіе ложнымъ все, что отъ насъ отлично, мы увидимъ совершенно ясно, что къ нашей природѣ не принадлежитъ ни протяженіе, ни форма, ни перемѣщеніе, и ничто

extensionem, nec figuram, nec motum localem, nec quid simile, quod corpori sittribuendum, ad naturam nostram pertinere, sed cogitationem solam: quae proinde prius et certius quam ulla res corporea cognoscitur: hanc enim jam percepimus, de aliis autem adhuc dubitamus.

9) Cogitationis nomine intelligo illa omnia, quae nobis consciis in nobis fiunt, quatenus eorum in nobis conscientia est: Atque ita non modo intelligere, velle, imaginari, sed etiam sentire, idem est hic quod cogitare. Nam si dicam, ego video, vel ego ambulo, ergo sum: et hoc intelligam de visione aut ambulatione, quae corpore peragitur, conclusio non est absolute certa: quia, ut saepe fit in somniis, possum putare me videre vel ambulare, quamvis oculos non aperiarn, et loco non movear, atque etiam fortè, quamvis nullum habeam corpus: Sed si intelligam de ipso sensu, sive conscientia videndi aut ambulandi, quia tunc refertur ad mentem, quae sola sentit, sive cogitat se videre aut ambulare, est plane certa.

«подобное, но принадлежит одно мышленіе, — которое вслѣд-
«ствіе того и познается первѣе и вѣрнѣе всякихъ веществен-
«ныхъ предметовъ: ибо его мы уже знаемъ, а во всемъ дру-
«гомъ еще сомнѣваемся.

9.

«Подъ именемъ мышленія я разумѣю все, что соверша-
«ется въ насъ, когда мы сознаемъ себя, насколько въ насъ
«есть сознаніе этого совершающагося: и слѣдовательно, не
«только пониманіе, желаніе, воображеніе, но и ощущеніе я
«называю здѣсь тоже мышленіемъ. Ибо, если я скажу: «я вижу»
«или «я хожу, слѣдовательно существую», и если буду это
«разумѣть о видѣніи и хожденіи, которое совершается тѣломъ, —
«заключеніе не будетъ безусловно вѣрно; потому что, какъ
«это часто бываетъ во снѣ, я могу полагать, что вижу или
«хожу, тогда какъ глаза мои закрыты и я не двигаюсь съ
«мѣста, и даже, можетъ быть, тогда какъ у меня вовсе нѣтъ
«тѣла. Но, если я разумѣю о самомъ чувствѣ или сознаніи
«видѣнія или хожденія, то, такъ какъ въ такомъ случаѣ дѣло
«идеть о душѣ, которая одна чувствуетъ или мыслить видѣніе
«или хожденіе, — заключеніе будетъ совершенно вѣрно».

III.

Сомнѣніе.

Вотъ знаменитое изслѣдованіе, которое съ неотразимою
силою обращаетъ нашу мысль къ особенной природѣ психи-
ческихъ явленій, указываетъ ихъ существенный признакъ и
тотъ объемъ, который они занимаютъ, и дѣйствительно даетъ
наилучшій способъ отличать ихъ отъ явленій тѣлесныхъ и
вообще вещественныхъ.

Прежде всего, по требованію Декарта, мы должны *усу-*
мниться во всемъ, что мы знаемъ. Это мы должны сдѣлать
не въ самомъ дѣлѣ, то есть не добиваться уничтоженія въ

себѣ всякой увѣренности, а только для пробы, для примѣра, совершенно такъ, какъ математикъ дѣлаетъ неправильное предположеніе, когда ведетъ доказательство отъ нелѣпаго. Мы должны попробовать отрицать все, что можно отрицать, и посмотреть, что изъ этого будетъ.

Такимъ образомъ, Декартовское сомнѣніе не значитъ, чтобы онъ хотя на минуту усумнился въ возможности знать истину, а значитъ только, что онъ ищетъ для нея несомнѣнныхъ доказательствъ. Истина должна быть доказана несомнѣнно, хочетъ онъ сказать;—въ противномъ случаѣ я могу ей не вѣрить. «Мы имѣемъ свободу», говоритъ онъ,—«воздержаться отъ вѣрованія въ то, что еще не совершенно достоверно и дознано».

Этотъ свободу дѣйствительно обладаетъ человѣкъ, и, провозгласивъ ее, Декартъ далъ огромный толчекъ не только ко всякаго рода сомнѣнію, но вмѣстѣ и къ величайшей жаднѣ познаній совершенно достовѣрныхъ и дознанныхъ. Вся послѣдующая исторія философіи и все движеніе наукъ до послѣдняго времени свидѣтельствуютъ о томъ, какую великую силу имѣетъ исходная точка Декарта. Люди все съ большею и большею жадностью обращаются къ познаніямъ вполнѣ доказаннымъ и вполнѣ доказываемымъ и воздерживаются отъ вѣрованія во все несовершенно достовѣрное. Въ силу этого, какъ мы думаемъ, весь ходъ человѣческаго развитія получилъ нѣкоторую односторонность, косвенность. Но сила движенія тѣмъ не менѣе несомнѣнна.

Въ частности замѣтимъ, что черта *сомнѣнія* неизбежно остается характеристическою чертою психологическихъ изслѣдованій, или, такъ сказать, психологическаго настроенія ума. Тотъ, для кого все разрѣшается въ психологическіе факты, есть наименѣе вѣрующій изъ людей. Для него всѣ событія исторіи, всякое дѣло и всякое знаніе обращаются въ игру психическихъ явленій, и цѣлый міръ съ безчисленными солнцами имѣетъ лишь значеніе маленькой группы свѣтовыхъ ощущеній.

IV.

С о н ъ.

Итакъ, что же не совершенно достоверно и дознано? Возьмемъ весь объемъ нашихъ познаній и станемъ отрицать всѣ тѣ, въ которыхъ можемъ усумниться. Но мы должны въ каждомъ частномъ случаѣ имѣть причину для сомнѣнія, потому что вообще мы не отвергаемъ способности человѣка къ истинѣ и признаемъ за собой умѣнье отличать достоверное отъ недостовернаго.

Оставляя въ сторонѣ то, что Декартъ говоритъ о дѣйствѣ, о предразсудкахъ, о могуществѣ Божіемъ, остановимся на томъ фактѣ, который совершенно достаточенъ для нашей цѣли, а своею всеобщностію превосходитъ всѣ другіе. Фактъ этотъ—сны или сновидѣнія. Каждый человѣкъ каждый день узнаетъ на очевиднѣйшемъ опытѣ, что онъ на нѣкоторое время непоколебимо вѣрить въ то, что вовсе не существуетъ. Въ *Meditationes* Декартъ изображаетъ этотъ фактъ съ чрезвычайною живостью и силою.

«Сколько разъ», говоритъ онъ, — «мнѣ случалось грезить «ночью, что я на этомъ самомъ мѣстѣ сижу одѣтый противъ «огня, хотя на самомъ дѣлѣ я раздѣтый лежалъ въ постели! «Конечно, теперь мнѣ кажется, что я гляжу на эту бумагу «бодрствующими глазами,—что эта голова, которую я качаю, «не спитъ,—что я нарочно и сознательно протягиваю эту «руку, и что я ее чувствую: то, что грезится во снѣ, повидимому, не бываетъ такъ ясно и отчетливо, какъ это. Но, «тщательно разбирая дѣло, я вспоминаю, что однако же я часто во снѣ былъ совершенно обманутъ такого рода мечтами; «и, остановившись на этой мысли, я до такой степени ясно «вижу, что нѣтъ вѣрныхъ признаковъ, строго отличающихъ «бдѣніе отъ сна, что пораженъ изумленіемъ, такимъ сильнымъ изумленіемъ, что почти готовъ подумать, что я сплю».
(*Medit. I.*).

Итакъ, можно сомнѣваться во всемъ, что мы можемъ точно также увидѣть во снѣ, какъ видимъ въ дѣйствитель-

ности. Мы привыкли къ мысли, что то, что мы видимъ въ бодрственномъ состояніи, существуетъ, а то, что видимъ во снѣ, не существуетъ. Если же такъ, то, когда хотимъ утверждать какое-нибудь существованіе, мы должны доказать, что не спимъ. Но, какіе бы доказательства мы ни придумали, мы по опыту знаемъ, что во время сновидѣнія все бодрственное состояніе, и съ этими доказательствами, можетъ повториться въ точности; слѣдовательно, въ такомъ случаѣ мы во снѣ принуждены будемъ признать вещи по предположенію не существующія существующими; значить, и въ бодрственномъ состояніи мы не больше, чѣмъ во снѣ, имѣемъ права утверждать, что не спимъ, и что существуетъ то, что видимъ.

Доказательство это неопровержимо. Дѣйствительно, изъ всѣхъ ошибокъ, которыя мы дѣлаемъ, и изъ всѣхъ обмановъ, которымъ подвергаемся, сновидѣніе есть самый полный и неотразимый обманъ. Мы во снѣ не только воображаемъ себя бодрствующими, но можемъ засыпать и просыпаться, можемъ спрашивать себя: «не сплю ли я?» Поэтому, мы вполне правы, когда и въ бодрственномъ состояніи задаемъ себѣ этотъ самый вопросъ.

Итакъ, всему тому, что мы находимъ существующимъ и истиннымъ, когда вполне бодрствуемъ и дѣйствуемъ всѣми силами нашего разума и сознанія, мы можемъ приписать не больше существенности и истины, какъ и тому, что видимъ во снѣ. Мы можемъ предположить, что все есть сонъ; посмотримъ, что же тогда останется?

V.

Несомнѣнная область.

Останется, очевидно, сонъ. То есть, останется безчисленное множество явленій, но не имѣющихъ того смысла, который мы имъ обыкновенно приписываемъ *). Сонъ не соотвѣтствуетъ никакой дѣятельности, никакой истинѣ. Такъ точно, всей области нашего знанія и дѣятельности, какъ скоро мы усумнимся въ ней, не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительность и истина, все обратится въ кажущееся; но самый процессъ, посредствомъ котораго все это кажется, останется фактомъ, и отрицать его существованіе невозможно, такъ какъ иначе невозможно было бы наше первое отрицаніе, наше сомнѣніе въ дѣйствительности и истинѣ нашихъ познаній. Пусть я говорю: голубой небесный сводъ не существуетъ; или: я не знаю, существуетъ ли онъ. Очевидно, я не могу выразить этого отрицанія или незнанія, если сперва не признаю, что небо *представляется* мнѣ голубымъ сводомъ. Такъ точно, сказавъ: нѣтъ ничего существующаго и истиннаго, а все только кажется существующимъ, — я долженъ признать не только вообще процессъ, которымъ можетъ мнѣ казаться, но и всѣ частныя опредѣленныя формы, въ силу которыхъ мнѣ кажутся именно эти вещи, а не другія.

Такимъ образомъ, мы получаемъ цѣлый міръ явленій, которыхъ существованіе уже внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ

*) Чтобы избѣжать недоразумѣній, замѣчу, что слово *явленіе* употребляется мною въ самомъ простомъ его смыслѣ, который нерѣдко забывается изъ-за болѣе сложныхъ значеній, приписываемыхъ этому слову. Явленіе обыкновенно противопоставляется *сущности, вещи въ себѣ и т. д.* Между тѣмъ, явленіе есть также противоположность *причинѣ, смыслу, цѣли, содержанию* и пр., а въ самомъ простомъ смыслѣ противоположность *общему*; явленіе есть просто частный случай какого-нибудь бытія или процесса. Въ такомъ смыслѣ употребляютъ это слово физики и другіе натуралисты: напримѣръ, Ньютонъ въ своемъ знаменитомъ изреченіи: *Omnis enim philosophiae difficultas in eo versari videtur, ut a phaenomenis motuum investigemus vires naturae, deinde ab his viribus demonstrare phaenomena reliqua.* Прямой смыслъ этихъ словъ таковъ: изъ частныхъ случаевъ движенія слѣдуетъ вывести общій законъ и подъ этотъ законъ подвести остальные частные случаи.

всякое сомнѣніе возможно только подъ условіемъ признанія ихъ существованія. Все остальное можетъ быть, или не быть; но эти явленія не быть не могутъ, то есть, безъ нихъ невозможно было бы разсуждать, не о чемъ было бы мыслить.

Итакъ, въ каждомъ частномъ случаѣ, если мы сумѣемъ отличить то, что подлежитъ сомнѣнію, и отбросимъ это сомнительное, мы получимъ въ остаткѣ несомнѣнное. Мы должны, слѣдовательно, учиться разлагать извѣстнымъ образомъ содержаніе нашихъ познаній. Обыкновенно это выражаютъ такъ: мы должны отличать субъективную сторону нашихъ познаній отъ ихъ объективнаго значенія.

Если, напримѣръ, я вижу, слышу, осязаю какіе-нибудь предметы, то я могу предположить, что на самомъ дѣлѣ этихъ предметовъ не существуетъ: но образы ихъ—конечно существуютъ несомнѣнно.

Если я что-нибудь дѣлаю, произвожу какія-нибудь измѣненія въ окружающемъ мірѣ, то мои дѣйствія, можетъ быть, столь же мало существуютъ, какъ и этотъ міръ. Но мои усилія, мои желанія, мои намѣренія несомнѣнно существуютъ.

Если я что-нибудь люблю, чего-нибудь боюсь, на что-нибудь негодую, то можетъ быть вовсе нѣтъ въ дѣйствительности вещей и явленій, къ которымъ относятся эти чувства; но самыя мои чувства, любовь, негодованіе, страхъ тѣмъ не менѣе существуютъ.

И вообще, вся моя жизнь и весь мой міръ можетъ быть только сонъ, но этотъ сонъ мнѣ несомнѣнно снится; и я не только имѣю право, но долженъ признать его существованіе, какъ скоро стану смотрѣть на него именно какъ на сонъ.

Для Декарта, и теперь для насъ, признаніе этого существованія есть лишь ступень въ познаніи: мы надѣемся, что на слѣдующихъ ступеняхъ мы признаемъ и существованіе многого другого. Но скептическая философія часто останавливалась на этой ступени и признавала *міръ какъ сонъ* за единственно достовѣрное познаніе. Въ сущности, взглядъ Канта имѣетъ совершенно подобный смыслъ, и Шопенгауэръ

имѣлъ полное право истолковывать Кантовскую философію своею болѣе опредѣленною формулою: «міръ есть мое представленіе».

VI.

Д у ш а.

Пойдемъ далѣе. Посмотримъ, какого рода то существованіе, которое мы признали несомнѣннымъ.

Этотъ сонъ — мой сонъ; эти представленія и образы — мнѣ принадлежать; эти чувства и стремленія во мнѣ совершаются, существуютъ внутри меня. Все это — мое, все образуетъ одну сферу, которую я обыкновенно называю своимъ внутреннимъ міромъ, своими психическими состояніями, страданіями и дѣйствіями. Это — область моей души. Душой я называю здѣсь пока не какое-нибудь опредѣленное существо, имѣющее опредѣленную природу, а просто самого себя, на сколько я обладатель дознаннаго мною субъективнаго міра. Всѣ психическія явленія, въ несомнѣнномъ существованіи которыхъ я убѣдился, *мнѣ принадлежатъ*; всѣ они, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, составляютъ мою принадлежность; то, чему они всѣ несомнѣнно принадлежать, и будетъ моя душа, мое я.

Вотъ самый опредѣленный и прямой смыслъ Декартова его *cogito, ergo sum*. Очень обыкновенно, эти его слова принимали и принимаютъ за умозаключеніе, за выводъ, и рассказываютъ дѣло даже такъ, какъ-будто философъ усумнился въ своемъ существованіи и доказывалъ его себѣ этимъ силлогизмомъ. Между тѣмъ, настоящій смыслъ этого разсужденія, имѣющаго только наружную форму силлогизма, будетъ такой: несомнѣнными нужно прежде всего считать психическія, субъективныя явленія; поэтому и несомнѣнная часть моего существованія есть прежде всего моя душа, а не тѣло.

Точно также, очень обыкновенно слову *cogito* придаютъ его буквальный смыслъ — *мыслить*; нѣмецкіе историки философіи даже особенно настаиваютъ на этомъ смыслѣ, такъ

какъ понятіе мышленія играетъ особенно важную роль въ нѣмецкой философіи. Но изъ собственныхъ словъ Декарта, изъ параграфа *девятаго*, мы видимъ, что первоначально онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ просто всю совокупность психическихъ, субъективныхъ явленій; да по всему ходу разсужденія онъ и не могъ поступить иначе, не могъ остановиться лишь на одной строго-опредѣленной душевной дѣятельности, ни на мыслительной, ни на какой другой.

Все разсужденіе Декарта съ полною силою можетъ быть повторено, если мы возьмемъ любой психическій фактъ, не только мышленіе, а какое-нибудь ощущение, желаніе, самое ничтожное воспріятіе. Напримѣръ:

Я чувствую сладкій вкусъ. Я могу сомнѣваться въ томъ, что есть на свѣтѣ медъ и сахаръ, и что существуетъ мой языкъ; но не могу усумниться въ томъ, что есть ощущение сладости, и что оно мнѣ принадлежитъ. Это — несомнѣнно, даже если бы все происходило во снѣ, и я никогда отъ сна не могъ бы проснуться. Итакъ, прежде всего я долженъ признать себя какъ способнаго ощущать сладкое.

Въ тѣхъ первыхъ параграфахъ *principiorum philosophiae*, которые мы привели выше, Декартъ не употребляетъ слова *душа*, *аніма*, а вездѣ пишетъ *mens*, и передаетъ это слово по французски словомъ *esprit*, умъ. Такой способъ выраженія, точно также, какъ употребленіе слова *cogito*, находится въ связи съ образомъ мыслей Декарта вообще и съ направленіемъ его дальнѣйшихъ разсужденій. Но здѣсь, очевидно, мы имѣемъ полное право переводить *mens* словомъ душа. Если *mens* есть способность *cogitare*, а *cogitare* значить *intelligere, velle, imaginari et sentire*, то *mens* будетъ означать то самое, что мы называемъ душою.

VII.

Внутренній міръ.

Для выраженія всякаго рода отношеній между предметами и между понятіями мы обыкновенно употребляемъ формы пространства и времени, дѣлая изъ нихъ образцы или уподобленія того, что хотимъ сказать. Такъ какъ всѣ душевныя явленія намъ принадлежать, или съ нами совершаются, то мы говоримъ обыкновенно, что они существуютъ *внутри* насъ, *въ* насъ; мы составляемъ изъ нихъ такимъ образомъ особую сферу, *нашъ внутренний міръ*. Всѣ остальные явленія будутъ тогда составлять *внѣшній міръ*, отличный отъ насъ.

Легко убѣдиться, что наше тѣло принадлежитъ также не къ нашему внутреннему, а къ нашему внѣшнему міру. Оно отличается отъ другихъ предметовъ внѣшняго міра только тѣмъ, что оно постоянно присутствуетъ *передъ* нами, или *вокругъ* насъ (говоря пространственными выраженіями). Такъ какъ всѣ предметы внѣшняго міра могутъ намъ присниться, то относительно тѣла нужно только прибавить, что оно намъ постоянно снится. Впрочемъ, бываютъ сны, когда мы представляемъ себя безъ тѣла, или съ какимъ-нибудь другимъ тѣломъ вмѣсто нашего.

Другая черта, отличающая наше тѣло, состоитъ въ томъ, что большая часть перемѣнъ, которыя мы въ немъ наблюдаемъ, сопровождаются опредѣленными психическими явленіями, такъ что мы привыкаемъ неразрывно связывать эти наши внутреннія явленія съ внѣшними перемѣнами тѣла. Впрочемъ, въ тѣлѣ происходитъ много перемѣнъ, которыхъ мы не ощущаемъ, и которыя тогда наблюдаемъ совершенно такъ, какъ явленія другихъ предметовъ.

Когда мы ходимъ и прикасаемся къ какимъ-нибудь предметамъ, мы не только видимъ это движеніе и прикосновеніе, но и чувствуемъ свое (очень, впрочемъ, легкое и часто вовсе незамѣтное) напряженіе и ощущеніе въ рукахъ, или въ другихъ (прикасающихся) частяхъ тѣла. Однако, то, что мы

чувствуемъ, и то, чѣмъ мы видимъ,—двѣ вещи совершенно различныя. Напряженіе и ощущеніе суть наши психическія явленія, а движеніе и прикосновеніе, понимаемыя не какъ образы, а какъ дѣйствительность, суть явленія внѣшняго міра.

Точно такъ, представимъ, что у меня на рукѣ рана. Боль и всѣ ощущенія, которыя я чувствую въ ранѣ при различныхъ обстоятельствахъ, при употребленіи лекарствъ и постепенномъ заживленіи, принадлежатъ моему внутреннему міру. Но всѣ эти ощущенія не даютъ мнѣ понятія о формѣ раны, ея цвѣтѣ, составныхъ частяхъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя въ этой формѣ, цвѣтѣ и расположеніи частей совершаются, то есть не даютъ понятія о томъ, что принадлежитъ внѣшнему міру. Только тщательнымъ и долгимъ наблюденіемъ я могу кое-что узнать объ отношеніи этихъ двухъ разрядовъ явленій, то есть догадываться по своимъ ощущеніямъ о внѣшнемъ состояніи раны.

Итакъ, пріемъ Декарта, чтобы отличить душу отъ тѣла, совершенно строгъ и достаточенъ. Все то, что можетъ быть подвержено сомнѣнію, что можно представить себѣ являющимся во снѣ, составляетъ внѣшній міръ. Все остальное, что одинаково существуетъ и во снѣ, и въ бодрствennomъ состояніи, принадлежитъ нашему внутреннему міру.

VIII.

Различіе внутреннего и внѣшняго міра.

Достигнувъ несомнѣннаго познанія—ego cogito, ergo sum, Декартъ, имѣя подъ собою, какъ онъ самъ выражается, желанную Архимедомъ точку опоры, устремился къ изслѣдованію всѣхъ сферъ бытія и знанія. Но анализъ понятій о душѣ, который онъ началъ, можетъ быть еще продолженъ и развитъ далѣе совершенно въ томъ же направленіи, въ которомъ онъ началъ.

234 78872

Очевидно, прежде всего, что наше понятіе о душѣ до сихъ поръ только отрицательное. Оно вполне зависитъ отъ того, какъ мы понимаемъ внѣшній міръ.

Мы начали наше изслѣдованіе съ внѣшняго міра и опредѣлили его какъ совокупность всего того, въ существованіи чего можно усумниться, что можно признать за сонъ. Откинувъ его, мы остались въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, который пока опредѣляется для насъ тѣмъ, что мы его откинуть не можемъ, не можемъ отрицать его.

Понятно, что кто отрицаетъ, тотъ не можетъ отрицать своего отрицанія; кто сомнѣвается, тотъ не сомнѣвается въ своемъ сомнѣніи; кто видитъ, тотъ существуетъ какъ видящій; кто мыслитъ, тотъ существуетъ какъ мыслящій. Итакъ, мы имѣемъ передъ собою несомнѣнную область, смыслъ которой точно опредѣленъ. Казалось бы, что намъ слѣдовало бы строго держаться прямого и неизбежнаго значенія ея явленій и не идти за ея предѣлы, не вдаваться въ иную сферу, менѣе извѣстную, гдѣ все можетъ быть подвергнуто сомнѣнію и даже вовсе отрицаемо. Между тѣмъ, мы неудержимо вдаемся въ эту сферу, мы постоянно мыслимъ о чемъ-то, находящемся внѣ нашего внутреннего міра.

Если всмотримся въ эту нашу постоянную мысль о внѣшнемъ мірѣ, то увидимъ, что основная ея черта есть признаніе нѣкотораго *бытія, совершенно отъ насъ независимаго*, не имѣющаго съ нами, по своей сущности, никакой связи. Мы признаемъ, что этотъ міръ существуетъ самъ по себѣ, что онъ во всѣхъ своихъ свойствахъ и явленіяхъ нисколько не опредѣляется нашими свойствами и явленіями. Мы признаемъ, что и мы не имѣемъ для этого міра никакого значенія, что наше присутствіе въ немъ совершенно случайно, и что наше отсутствіе въ немъ ничего не измѣнитъ.

Если же такъ, то есть, если такова наша постоянная мысль о внѣшнемъ мірѣ, то онъ долженъ стоять къ познанію въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Именно, для него, очевидно, возможны въ отношеніи къ познанію слѣдующія три различныя положенія:

1) Онъ можетъ быть *намъ неизвѣстенъ*. Такъ какъ между нами и имъ нѣтъ необходимой связи, то возможно

предположить, что мы не знаемъ его вовсе, или знаемъ лишь нѣкоторыя его части, а другихъ ни мало не знаемъ.

2) Онъ можетъ быть *никому неизвѣстенъ*, то есть онъ не требуетъ непременно, чтобы кто-нибудь его зналъ. Какъ онъ независимъ отъ насъ, такъ онъ можетъ быть независимъ и отъ всякихъ познающихъ существъ. Слѣдовательно, можно представить себѣ, что этотъ міръ существуетъ, но что познающія существа его не знаютъ, или даже, что въ немъ вовсе нѣтъ никакихъ познающихъ существъ.

3) Но если предположимъ, что онъ извѣстенъ намъ вполне, или отчасти, то, такъ какъ ни онъ для насъ, ни мы для него не имѣемъ никакого особеннаго значенія, мы должны допустить, что онъ въ той же мѣрѣ можетъ быть познаваемъ и другими существами, и слѣдовательно, можетъ быть *всѣмъ извѣстенъ*.

Таковы отношенія внѣшняго или объективнаго міра къ познанію, вытекающія изъ его независимаго существованія. Совершенно противоположны имъ отношенія внутреннихъ или субъективныхъ явленій.

1) Наши субъективныя явленія, какъ субъективныя, *намъ непременно извѣстны*, и извѣстны безъ обмана и ошибки, а вполне вѣрно. Образъ солнца и неба, какъ образъ, какъ мое представленіе, мнѣ извѣстенъ вполне, ибо я о томъ именно и говорю, что себѣ представляю, и ничего другого здѣсь не разумѣю.

2) Нельзя мыслить никакого субъективнаго явленія, которое было бы *никому неизвѣстно*; всякое такое явленіе принадлежитъ какому-нибудь познающему существу и извѣстно ему точно такъ, какъ намъ извѣстны наши представленія и чувства.

3) Никакое субъективное явленіе не можетъ быть не только всѣмъ извѣстно, но и *никому другому*, кромѣ того существа, въ которомъ оно совершается. Какъ мои мысли и чувства извѣстны только мнѣ, извѣстны въ томъ неизбѣжномъ и полномъ смыслѣ, который указанъ выше, такъ и мысли и чувства каждой другой души извѣстны и могутъ быть извѣстны въ этомъ смыслѣ только ей одной.

Вотъ строгое и ясное различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, вытекающее прямо изъ нашей исходной точки. Признавъ, что внѣшній міръ можетъ быть для насъ сомнителенъ, мы тѣмъ самымъ приписали ему независимое отъ насъ существованіе, слѣдовательно, всѣ свойства настоящаго *объекта*, настоящаго *предмета познанія*. Если что-нибудь есть предметъ познанія, то этотъ предметъ можетъ быть познаваемъ всѣми, но познаніе его будетъ различно, смотря по познающимъ существамъ и ихъ отношеніямъ къ предмету: познаніе можетъ быть правильное и неправильное, полное и неполное, можетъ быть достовѣрнымъ и сомнительнымъ, можетъ наконецъ вовсе не существовать. Субъективный же міръ, будучи неизбѣжно и вполнѣ извѣстенъ своему обладателю, для него не составляетъ предмета сомнѣнія, но и ни для кого другаго не составляетъ предмета познанія.

IX.

Духъ и вещество.

Предыдущее будетъ яснѣе, если мы назовемъ разсматриваемыя понятія употребительными именами ихъ. Чистый субъектъ есть *духъ*, духовное существо; чистый объектъ есть *вещество*, матеріальныя вещи. Можно сказать, что Декартъ первый положилъ ясную границу между веществомъ и духомъ, границу, незыблемо существующую до сихъ поръ,—и слѣдовательно, что онъ первый далъ правильное понятіе и о веществѣ, и о духѣ.

Вещество есть чистый объектъ, то есть нѣчто вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее. Вещество не имѣетъ въ себѣ ничего субъективнаго, ни познаній, ни чувствъ, ни желаній. Въ немъ нѣтъ ничего внутренняго, недоступнаго для нашего познанія, а все въ немъ—наружное, познаваемое.

Духъ, напротивъ, есть чистый субъектъ, то есть нѣчто познающее, но ни мало не доступное для объективнаго познанія. Духъ не имѣетъ въ себѣ ничего общедоступнаго,

ничего внѣшняго, подлежащаго такому познанію, какъ объективный міръ; въ немъ все внутреннее, закрытое для чужого взгляда.

Конечно, намъ ежедневно и съ величайшею легкостію бываютъ доступны субъективныя явленія другихъ духовныхъ существъ, совершенно отъ насъ независимыхъ. Точно также, и мы сами безпрестанно выражаемъ наши субъективныя явленія, стремимся сообщить, и дѣйствительно сообщаемъ, ихъ другимъ существамъ, отъ насъ независимымъ. Но, если внимательно всмотримся, то увидимъ, что въ томъ и въ другомъ случаѣ познаніе происходитъ черезъ посредство объективнаго міра, а что прямого сообщенія, какъ совершенно невозможнаго, не происходитъ. Ни мыслей, ни чувствъ другого человѣка мы никогда не воспринимаемъ, а воспринимаемъ только звуки его голоса, измѣненія въ чертахъ лица, движенія глазъ, жесты и т. д., и уже по этимъ объективнымъ явленіямъ, какъ по знакамъ или символамъ, *догадываемся* о его чувствахъ и мысляхъ. Въ этихъ случаяхъ мы *судимъ по себѣ*, и никакимъ другимъ способомъ судить не можемъ. Слушая разсказъ или наблюдая дѣйствія другого человѣка, мы стараемся подобрать въ нашемъ внутреннемъ мірѣ такія явленія, которыя подходили бы къ этимъ словамъ и движеніямъ, и приписываемъ эти явленія тому, кого наблюдаемъ. При этомъ мы можемъ ошибиться по двумъ причинамъ: или потому, что словамъ и жестамъ говорящаго вовсе не соотвѣтствуютъ его дѣйствительныя чувства, какъ, напримѣръ, у хорошаго актера или хорошаго притворщика; или потому, что наше толкованіе неправильно, напримѣръ, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ не найдется тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя нужны для правильнаго истолкованія. Грубый человѣкъ не понимаетъ нѣжныхъ и тонкихъ душевныхъ движеній; человѣку своекорыстному непонятно великодушіе, и т. д.

Очень любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе Декарта о животныхъ. Какъ извѣстно, онъ не признавалъ въ нихъ ничего духовнаго, никакой души. Онъ полагалъ, слѣдовательно, что всѣ ихъ звуки и движенія *ничего не означаютъ*, а суть просто только звуки и движенія. Этотъ взглядъ на животныхъ, конечно, несправедливъ; но самая возможность его

уясняетъ намъ дѣло, точно такъ же, какъ возможность для насъ въ каждую минуту представить себѣ, что мы не бодрствуемъ и видимъ во снѣ все, насъ окружающее.

Относительно внѣшняго міра мы всегда имѣемъ право спрашивать: не кажется ли намъ? Такъ точно относительно субъективнаго міра другихъ людей мы постоянно должны предлагать себѣ вопросъ: то ли въ немъ есть, что мы предполагаемъ, и точно ли такъ, какъ мы предполагаемъ?

Въ простѣйшихъ случаяхъ, мы можемъ прибѣгать для взаимнаго пониманія къ внѣшнему опыту; мы опредѣляемъ тѣ условія объективнаго міра, при которыхъ совершается извѣстное субъективное явленіе. Такъ, положимъ, чтобы узнать, что такое сладкій вкусъ, нужно, чтобы у насъ на языкѣ распустился въ слюнѣ кусокъ сахара. Два человѣка, условившіеся называть *сладкимъ* то ощущеніе, которое при этомъ получится, будутъ, вообще говоря, понимать подъ этимъ словомъ одно и то же ощущеніе. Но безусловно сказать этого нельзя; даже, напротивъ того, непременно нужно предположить маленькій отгѣнокъ въ ощущеніи одного сравнительно съ ощущеніемъ другого. Все субъективное, будучи неизмѣннымъ и несомнѣннымъ для того субъекта, которому оно принадлежитъ, не имѣетъ той *общей* достовѣрности и неизмѣнности, какая свойственна объективному міру.

Объективный міръ есть, вообще, неизбежная среда для взаимнаго познанія независимыхъ другъ отъ друга духовныхъ существъ. Я не могу обнаружить свою мысль или свое чувство исключительно одному изъ другихъ духовныхъ существъ; я неизбежно каждый разъ сдѣлаю такое обнаруженіе, которое доступно и другимъ; потому что, какъ скоро является нѣчто объективное, то оно является со всѣми своими свойствами, слѣдовательно, какъ нѣчто общедоступное.

Вотъ почему мы говоримъ, что душа наша *заключена* въ нашемъ тѣлѣ, или окружена имъ, какъ *оболочкой*. Это значитъ, что тѣло есть та часть объективнаго міра, которая въ своихъ явленіяхъ постоянно отражаетъ явленія нашей души и помимо которой душа ничего не можетъ выразить и не можетъ восприять никакого чужого выраженія. Только въ такомъ смыслѣ нужно разумѣть связь души и тѣла. То есть,

вслѣдствіе этой неизмѣнной связи ни тѣло не становится субъективнымъ, ни душа не получаетъ объективности; эти два міра остаются строго разграниченными; но одинъ служить для выраженія другого, подобно тому, какъ буквы выражаютъ звуки, и звуки выражаютъ мысли.

X.

Познаніе вещественнаго міра.

Понятіе, которое Декарть составилъ о душѣ, привело его къ опредѣленному понятію о веществѣ. Какъ относительно души, такъ и относительно вещества можно сказать, что онъ первый дошелъ до яснаго и отчетливаго его пониманія. Онъ отнялъ у вещества всякую тѣнь чего-либо субъективнаго, и потому сдѣлалъ его *мертвымъ* въ полномъ смыслѣ слова (интересно замѣтить, что, говоря о *мертвенности* вещества, мы, очевидно, употребляемъ отрицательное выраженіе; мы утверждаемъ, что къ сущности вещества принадлежитъ *отсутствіе* жизни, такъ что сперва нужно знать, что такое жизнь, и потомъ только можно будетъ понять эту черту вещества). Отсюда получился *механическій взглядъ* на всѣ вещественныя явленія, на весь внѣшній міръ, то есть тотъ самый взглядъ, который до сихъ поръ господствуетъ у натуралистовъ, которому нужно приписать и ихъ величайшіе успѣхи въ изслѣдованіи природы, и ихъ величайшія заблужденія, напримѣръ, очень обыкновенный у нихъ матеріализмъ.

Декарть, открывъ, такъ сказать, что такое вещество, принялся строить науки о вещественномъ мірѣ. Съ удивительнымъ остроуміемъ, и вмѣстѣ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ, онъ создалъ свою *механику, физику, физическую астрономію, физиологію* и даже *эмбриологію*. (Мы для ясности употребляемъ здѣсь современныя названія тѣхъ областей знанія, которыя разрабатывалъ Декарть). Возводя такое огромное зданіе, Декарть сдѣлалъ много ошибокъ; но *духъ и приемы* созданныхъ имъ наукъ были тѣ самые, въ которыхъ эти

науки развиваются до сихъ поръ. Самыя ошибки Декарта были уже *новыя* ошибки, подобныя тѣмъ, которыя и до сихъ поръ дѣлаются и, конечно, будутъ и впередъ дѣлаться натуралистами. Однимъ словомъ, у Декарта, и послѣ него, уже идетъ новая исторія физическихъ наукъ, которая продолжается до сихъ поръ, которая если не съ него начинается, то несомнѣнно съ него вступаетъ въ полную силу.

Этому движенію, какъ мы уже сказали, мы обязаны величайшими открытіями, истинными чудесами познанія, съ которыми едва-ли могутъ равняться какіе-нибудь другіе подвиги человѣческой мысли. Стремленіе къ *яснымъ и отчетливымъ* познаніямъ нашло себѣ богатую, роскошную пищу.

Когда силою философскаго отвлеченія мы отняли у природы всякую жизнь, когда мы приучились не обращать вниманія на красоту и выразительность ея явленій, а стали смотрѣть на нее какъ на мертвый механизмъ, мы открыли тѣ законы, которымъ подчиненъ этотъ механизмъ, и продолжаемъ безъ конца открывать подробности его устройства.

Итакъ, поворотъ человѣческой мысли, который нашелъ свое сознательное выраженіе въ философіи Декарта, былъ великимъ и плодотворнымъ поворотомъ. Тутъ передъ нами ясное, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, открывается тайна движенія человѣческаго ума и природа того, что мы называемъ познаніемъ.

XI.

Познаніе вообще.

«Мышленіе», пишетъ Декартъ, — «мы познаемъ первѣе «и вѣрнѣе всякихъ вещественныхъ предметовъ: ибо его мы «уже знаемъ, а во всемъ другомъ еще сомнѣваемся» (§ 8-й).

Вслѣдствіе такого соображенія, Декартъ не только при- нялъ *cogito ergo sum* за исходную точку своей философіи, но и думалъ, что нужно начинать съ изслѣдованія мышленія (а подъ мышленіемъ, какъ мы знаемъ, онъ разумѣлъ всю область душевныхъ явленій), и что въ этой области должны

получиться для насъ самыя твердыя и ясныя познанія, на которыхъ должны опираться всѣ остальные.

Результаты однако же не оправдали такой, повидимому совершенно ясной, мысли. Съ перваго же шага Декартъ встрѣтилъ на этомъ пути такія трудности и усложненія, что, хотя созданная имъ психологія тоже была исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ развитій этой науки, она далеко не можетъ равняться съ построенными имъ науками о вещественномъ мірѣ. Да и до сихъ поръ исторія психологіи вообще не представляетъ того твердаго и блестящаго развитія, какое мы видимъ въ естественныхъ наукахъ.

Очевидно, была нѣкоторая ошибка въ самой мысли о положеніи психическихъ явленій въ отношеніи къ познанію. Изъ того, что эти явленія для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, вовсе не слѣдуетъ, что они всего доступнѣе для познанія, и даже, что они вообще для него доступны. Точно также изъ того, что вещественный міръ можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію, не слѣдуетъ, что онъ познается труднѣе или слабѣе, чѣмъ міръ субъективный.

Напротивъ того, очевидно, объективный міръ есть настоящій предметъ нашего познанія, настоящій нашъ *объектъ*, къ которому свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы, тогда какъ субъективный міръ ускользаетъ отъ простыхъ пріемовъ познанія, и требуетъ какихъ-то обратныхъ пріемовъ и особенныхъ усилий, необычайной постановки нашей мысли.

А priori нѣтъ никакого основанія полагать, что эти два міра составляютъ *одинаковый* предметъ для познанія; а если они имѣютъ къ познанію различное отношеніе, то слѣдуетъ ясно и отчетливо указать это различіе и твердо его держаться.

Величайшую ошибку, по нашему мнѣнію, дѣлаютъ тѣ, которые ставятъ въ познаніи душу и тѣло на одну доску и говорятъ, напримѣръ, что сущность того и другого намъ одинаково неизвѣстна, что понятіе вещества такъ же трудно, какъ понятіе духа, или еще труднѣе, или, что, признавая неизвѣстное намъ начало электричества, мы должны съ меньшей ясностію и достовѣрностію признать и особое начало

душевныхъ явленій, и т. п. Послѣ Декарта, на основаніи его удивительнаго анализа, подобныя сопоставленія духовнаго и вещественнаго міра стали очень обыкновенны. Тотчасъ появились и существуютъ до сихъ поръ, такъ называемые, *материалисты* и *спиритуалисты*. Первые стали утверждать и утверждаютъ до сихъ поръ, что существуетъ лишь объективный міръ, состоящій изъ мертваго Декартоваго вещества; вторые же—что, сверхъ того, рядомъ съ этимъ вещественнымъ міромъ и въ немъ, внутри его, существуетъ міръ духовный, другой разрядъ существъ, имѣющій другія свойства, напримѣръ, невидимыхъ, неосязаемыхъ, но проявляющихъ себя извѣстными дѣйствіями въ вещественномъ мірѣ и доступныхъ для внутренняго наблюденія, такъ что ихъ можно подводить подъ тѣ же общіе формы и законы мысли, какъ и вещественные предметы. Отсюда безконечные споры и усилія, въ которыхъ спиритуалисты старались обыкновенно или подвергнуть сомнѣнію твердость чисто-объективныхъ познаній, или доказать, что познанія о духовныхъ существахъ имѣютъ такую же прочность и ясность, какъ познанія о материальныхъ предметахъ.

Для спиритуализма часто употребляется болѣе общее названіе *дуализма*, въ томъ смыслѣ, что этотъ взглядъ признаетъ два элемента въ мірѣ, два рода существъ. Точно такъ для материализма употребляется названіе *монизма*, такъ какъ тутъ признается одно начало, однородность всего существующаго. И не мало дѣлалось и дѣлается усилій понять эту однородность какъ возможно шире, придумать такую коренную первобытную сущность, которая совмѣщала бы въ себѣ духъ и вещество, такъ чтобы изъ этого монизма вытекалъ самъ собою дуализмъ.

Между тѣмъ, для всякаго непредубѣжденнаго взгляда ясно, что только чисто объективный міръ есть настоящее прище человѣческаго познанія. То, что онъ можетъ быть подвергнуть сомнѣнію, говоритъ не противъ него, а за него, такъ какъ это свойство, сомнительность,—мы всегда приписываемъ настоящему познанію. Познаніе, по нашимъ обыкновеннымъ понятіямъ, есть нѣчто такое, что не составляетъ нашей необходимой принадлежности, но чего мы можемъ одна-

ко достигнуть. Оно не лежитъ въ нашей душѣ, но мы можемъ его получить, обладать имъ, а слѣдовательно, и потерять его, и не имѣть къ нему доступа. И обыкновенно мы даемъ тѣмъ большую цѣну познанію, тѣмъ оно для насъ любопытнѣе, чѣмъ труднѣе доступъ къ нему, чѣмъ дальше разстояніе (умственное или вещественное), отдаляющее насъ отъ его предмета. Напротивъ того, какъ скоро мы убѣдимся, что какое-нибудь познаніе принадлежитъ къ числу несомнительныхъ, что оно есть слѣдствіе самихъ законовъ мышленія или свойствъ нашей души, такъ тотчасъ же это познаніе теряетъ для насъ свою цѣну, и мы не только не радуемся нашему несомнѣнному богатству, а, напротивъ того, готовы думать, что эти субъективныя познанія закрываютъ отъ насъ міръ и мѣшаютъ намъ узнать его дѣйствительную сущность.

Вотъ гдѣ содержится великая привлекательность эмпиризма, того ученія, которое источникомъ всѣхъ нашихъ познаній дѣлаетъ *опытъ*. Опытъ не даетъ общихъ и необходимыхъ познаній, и слѣдовательно, каждый результатъ, изъ него добытый, подлежитъ сомнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый эмпирическій результатъ есть настоящее познаніе, такъ какъ предполагается, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего субъективнаго, никакой примѣси нашей собственной мысли.

Итакъ, внѣшній міръ потому и можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію, что онъ есть настоящій объектъ. Доступность его для изученія въ наши времена такъ очевидна, что нельзя безъ удивленія припомнить, какъ поздно наступили быстрые успѣхи въ этомъ изученіи. Можно считать, что дѣло идетъ какъ слѣдуетъ только въ послѣднія три столѣтія, и когда мы разсматриваемъ исторію прежнихъ временъ, мы, кажется, видимъ, въ чемъ состояла помѣха этому дѣлу. Человѣчество тогда было очень занято своею внутреннею, субъективною жизнью. Чувство и фантазія говорили такъ сильно, что не было мѣста холодному, спокойному, объективному изслѣдованію.

Но въ настоящее время изученіе природы по своимъ успѣхамъ стоитъ выше всѣхъ другихъ областей умственной дѣятельности и пользуется авторитетомъ, вообще говоря, совершенно заслуженнымъ. Приемы естественныхъ наукъ со-

ставляютъ образецъ, которому стараются подражать другія области изслѣдованія. И въ психологіи не разъ было провозглашено, что нужно слѣдовать методамъ натуралистовъ.

Взглянувъ безъ предубѣжденія на эти крупныя факты умственной исторіи, легко согласиться, кажется, съ мыслью, что субъективный міръ глубоко отличается отъ объективнаго по отношенію къ познанію. Въ сравненіи съ свѣтлымъ міромъ вещественной природы душа есть область темная и таинственная, которая едва ли допускаетъ для изслѣдованія тѣ же самыя приемы. Мы убѣдимся въ этомъ вполне, если приступимъ къ субъективному міру ближе и попробуемъ стать къ нему лицомъ къ лицу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Изученіе души

I.

Особія категоріи.

Мы говоримъ о такомъ предметѣ, который не допускаетъ ссылки на готовые понятія, а требуетъ, чтобы мы сами установили и опредѣлили категоріи, посредствомъ которыхъ слѣдуетъ понимать этотъ предметъ. Психологія въ этомъ отношеніи не то, что, напримѣръ, физика, геологія, или другія подобныя науки. Въ физикѣ, напримѣръ, понятія, подъ которыми слѣдуетъ подводить изучаемыя явленія, заранее даны, и уяснять ихъ нѣтъ никакой надобности. Это—понятія математическія, формы и законы пространства и времени, и понятія механическія. Изучая свой предметъ, физикъ заранее знаетъ, что онъ найдетъ;—именно, онъ найдетъ, что данныя явленія составляютъ частный случай извѣстныхъ ему общихъ законовъ. Такъ, изслѣдуя, положимъ, сѣверное сіяніе, или измѣненія земного магнетизма, физикъ не станетъ предполагать, что онъ найдетъ отклоненіе отъ закона инерціи, или отъ сохраненія энергіи, что, вообще, онъ встрѣтитъ какое бы то ни было нарушеніе извѣстныхъ ему законовъ мертвой природы. Въ результатѣ должно получиться, напротивъ, полнѣйшее ихъ подтвержденіе, и вся загадка изслѣдуемыхъ явленій должна разрѣшиться посредствомъ заранее извѣстныхъ общихъ понятій.

Не то въ психологіи. Если мы не имѣемъ въ запасѣ цѣлой готовой метафизики или, такъ называемой, онтологіи, если мы прямо начинаемъ съ изученія психическихъ явленій (какъ это очень обыкновенно и естественно дѣлается, какъ сдѣлалъ и Декартъ), если мы, напротивъ, отъ этого изученія думаемъ подняться до нѣкоторой метафизики, то мы, очевид-

но, должны заранѣе быть готовы къ тому, что намъ не достанетъ нашихъ обыкновенныхъ понятій, что мы вынуждены будемъ устанавливать новыя категоріи и переходить отъ одной изъ нихъ къ другой, пока не исчерпаемъ всей изслѣдуемой области. А такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ мыслить дѣйствительно новое понятіе, и нѣтъ большаго соблазна для ума, какъ подведеніе новыхъ явленій подъ старыя, давно знакомыя понятія, то тутъ мы беремъ за дѣло трудное и небезопасное.

Ошибка, понятно, возможна и въ противоположную сторону, то есть возможно, что мы иногда создадимъ новую категорію, въ которой не было никакой надобности. Но такія ошибки вовсе не такъ легко дѣлаются, какъ обыкновенно это предполагаютъ. Если мы вспомнимъ исторію человѣческой мысли, то убѣдимся, что новыя категоріи, которыя иногда являлись въ большомъ изобиліи, и изъ которыхъ инныя цѣлыя вѣка занимали умы и были у всѣхъ на языкѣ, потому именно и были несостоятельны, что не содержали въ себѣ ничего новаго, а были созданы по подобію старыхъ привычныхъ понятій, составляли неправильное приложеніе этихъ понятій къ предметамъ, подъ нихъ не подходящимъ. Можно ли найти что-нибудь новое, напримѣръ, въ понятіяхъ *архея*, *жизненной силы*, *теплорода* и т. п.? Между тѣмъ, дѣйствительно новыя понятія, какъ скоро они разъ возникли въ человѣческомъ умѣ, никогда уже изъ него не изглаживаются, а только уясняются и точнѣе ограничиваются.

II.

Внутреннее наблюденіе.

Міръ души, какъ мы сказали, есть міръ темный и таинственный. Для того, чтобы наблюдать его, чтобы устремить свой взоръ внутрь себя (какъ обыкновенно выражаются), мы, очевидно, должны сдѣлать усиліе, дать нашимъ мыслямъ непривычный ходъ, обратный ихъ обыкновенному ходу, и понятно, что мы не можемъ видѣть въ этомъ случаѣ также ясно, какъ при обыкновенномъ порядкѣ нашего познания.

Очень хорошо изображаетъ это усиліе Декартъ:

«Теперь», говоритъ онъ, — «я закрою свои глаза, заткну уши, заставлю умолкнуть всѣ свои чувства, изглажу изъ «своей мысли всѣ образы вещественныхъ предметовъ, или по «крайней мѣрѣ, такъ какъ едва ли это возможно, буду считать ихъ пустыми и ложными, и такимъ образомъ, говоря лишь «самъ съ собою и рассматривая самъ себя, постараюсь понемногу «сдѣлать себѣ себя болѣе извѣстнымъ и знакомымъ. Я — мыслящее существо, то есть такое, которое сомнѣвается, утверждаетъ, отрицаетъ, знаетъ кое-что, многого не знаетъ, «которое любить, ненавидить, желаетъ, не желаетъ, сверхъ «того воображаетъ и ощущаетъ; ибо какъ я уже замѣтилъ «прежде, хотя предметы, которые я ощущаю и воображаю, «можетъ быть, суть ничто внѣ меня и сами въ себѣ, я однако же увѣренъ, что тѣ виды (*modi*) мышленія, которые я «называю ощущеніями и образами, находятся. по скольку «они суть лишь виды мышленія, во мнѣ. И вотъ, въ этомъ «немногомъ я перебралъ все, что я дѣйствительно знаю, или «по крайней мѣрѣ все, что до сихъ поръ я нашелъ себя «знающимъ» (*Meditatio III*).

Вотъ описаніе, такъ называемаго, *внутренняго наблюденія* и тѣхъ результатовъ, къ которымъ оно приводитъ. Главное здѣсь заключается не въ стараніи закрыть себя отъ внѣшняго міра, а въ томъ особенномъ поворотѣ мысли, который Декартъ выражаетъ словами: *Буду считать всѣ образы вещественныхъ предметовъ пустыми и ложными*, буду смотрѣть на свои ощущенія и образы только какъ на виды своего мышленія. Очевидно, я могу и долженъ умѣть это сдѣлать и не закрывая глазъ и не затыкая ушей. Для меня, на этой точкѣ моего разсужденія, нѣтъ никакой разницы между ощущеніями, происходящими въ присутствіи внѣшнихъ предметовъ, и такъ называемыми *идеями* или *представленіями*, то есть образами, которые я могу имѣть при отсутствіи соотвѣствующихъ имъ предметовъ. Несмотря на свое ученіе о возможности сомнѣваться въ существованіи внѣшняго міра, Декартъ все еще приписывалъ важность его присутствію. Точно такъ и Локкъ, и Юмъ налегаютъ на различіе между *ощущеніями* и *идеями*, приписывая ощущеніямъ какъ-бы бѣльшую

реальность, которой не имѣютъ идеи. Чтобы видѣть, что, въ сущности, невозможно положить здѣсь различія, приведемъ разсужденіе Юма.

«Всякій легко согласится», пишетъ онъ, — «что есть «значительная разниа между воспріятіями души, когда мы «чувствуемъ чрезвычайный жаръ, или пріятную прохладу, и «когда потомъ возобновляемъ въ памяти это ощущеніе, или «рисуемъ его впереди своимъ воображеніемъ. Эти способности «(то есть *память* и *воображеніе*) могутъ подражать воспріятіямъ чувствъ, но никогда не могутъ достигнуть силы и живости первоначальнаго ощущенія. Даже, когда онѣ дѣйствуютъ съ наибольшею силою, мы говоримъ о нихъ не болѣе, «какъ то, что онѣ представляютъ свой предметъ столь живо, «что можно *почти* сказать — мы его видимъ или ощущаемъ, «но, за исключеніемъ болѣзни или сумасшествія, онѣ никогда «не могутъ достигнуть той степени живости, чтобы сдѣлать «эти воспріятія неразличными между собою. Всѣ краски по-«эзіи, какъ бы онѣ ни были блестящи, никогда не могутъ «изобразить естественныхъ предметовъ такъ, чтобы описаніе «было принято за дѣйствительную картину природы. Самая «живая мысль все еще ниже самаго тупого ощущенія».

«Подобное различіе мы найдемъ и во всѣхъ прочихъ «воспріятіяхъ души. Человѣкъ въ припадкѣ гнѣва волнуется «совсѣмъ не такъ, какъ тотъ, кто лишь думаетъ объ этомъ «волненіи» и т. д. (An inquiry concerning hum. understanding. Sect. II).

Если мы вспомнимъ сонъ, то увидимъ, что не только во время болѣзни или сумасшествія, но на каждый день наше воображеніе и наша память доводятъ свои образы до живости дѣйствительныхъ ощущеній. И въ бодрственномъ состояніи эта живость можетъ имѣть всевозможныя степени; на примѣръ, мысль о какомъ-нибудь отвратительномъ веществѣ можетъ возбудить тошноту. Въ явленіяхъ же чисто-субъективныхъ, мысль очень часто дѣйствуетъ сильнѣе дѣйствительности. На примѣръ, любовь къ отсутствующему другу можетъ разгорѣться сильнѣе, чѣмъ она была въ его присутствіи, воспоминаніе объ обидѣ можетъ возбудить гнѣвъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ возбужденъ въ самую минуту обиды, и т. д.

Словомъ, субъективныя явленія не дѣлаются болѣе или менѣе субъективными, смотря по прикосновенію къ дѣйствительности. Всѣ эти явленія одного порядка. Безъ всякаго соразмѣрнаго внѣшняго вліянія или внутренняго повода, я могу испытать сильнѣйшее чувство и видѣть передъ собою цѣлый міръ яркихъ образовъ; и наоборотъ—съ открытыми глазами и ушами, воспринимая самымъ бодрственнымъ образомъ впечатлѣнія дѣйствительности, я могу видѣть во всемъ этомъ лишь свои чувства, лишь модусы своей души, лишь свои субъективныя явленія.

Все дѣло, слѣдовательно, въ этомъ поворотѣ мысли. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы отрицать въ явленіяхъ всякое значеніе, кромѣ субъективнаго, считать ихъ, какъ выражается Декартъ, *пустыми* и *ложными*. Напримѣръ, свои мысли я долженъ считать только за свои мысли, а не за истину; въ своихъ чувствахъ я долженъ видѣть только свои чувства, а никакъ не счастье и несчастье, не судьбу, которая мнѣ досталась; свои желанія я долженъ принимать не за указанія того, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать и чего добиваться, а только за свои желанія. Многіе наивные и простые люди никогда хорошенько не усваиваютъ себѣ этого поворота мышленія; а животные, конечно, совершенно ему чужды, такъ что здѣсь можно видѣть первую черту, отличающую ихъ бѣдную психическую жизнь отъ богатой жизни человѣка. Жизнь животныхъ есть, такъ называемая, *непосредственная жизнь*; но, въ большей или меньшей степени, этою жизнью живетъ и каждый человѣкъ, и она можетъ въ этомъ случаѣ имѣть очень высокое содержаніе, далекое отъ всякой животности.

Простой человѣкъ не занимается своими мыслями, какъ мыслями; онъ прямо ихъ употребляетъ для извѣстной цѣли, для уясненія своихъ дѣлъ и отношеній. Точно такъ, онъ не анализируетъ своихъ чувствъ, не заподозриваетъ ихъ глубины и продолжительности, а предается имъ прямо, по мѣрѣ ихъ силы. Наконецъ, его желанія суть для него лишь побужденія къ дѣятельности, безъ которой онъ о нихъ никогда и не думаетъ, безъ которой они не имѣютъ для него смысла.

Въ людяхъ съ подвижною психическою жизнью, но съ слабыми умственными силами, эти черты принимаютъ коми-

ческий характеръ, при которомъ яснѣе выступаетъ ихъ особенность. Конечно, мало людей, которые наивно расположены исполнять всякое свое желаніе и, какъ животныя, стремятся дѣлать все, что имъ хочется; однако же такіе люди есть. Но очень много такихъ, которые свои легко возбуждаемые чувства принимаютъ за прямые показанія свойствъ окружающаго ихъ міра. Такие люди иногда видятъ всюду прекрасныя души, любящихъ и преданныхъ друзей. Но чаще они смотрятъ на жизнь въ мрачномъ цвѣтѣ; тогда имъ кажется, что ихъ преслѣдуютъ несчастія, что они окружены коварствами и злоумышленіями. Для нихъ встрѣча, слово, взглядъ составляютъ событіе, и, хотя бы жизнь ихъ текла самымъ простымъ и ровнымъ образомъ, она представляется имъ цѣлою цѣпью запутанныхъ и тяжелыхъ приключеній.

Совершенно аналогическое явленіе бываетъ и въ умственной жизни. Многіе не способны усумниться въ своихъ мысляхъ; каждое свое соображеніе они принимаютъ за истину, и потому не выносятъ противорѣчій и видятъ обиду въ каждомъ мнѣніи, несогласномъ съ ихъ собственными выводами.

Люди простые избѣгаютъ этихъ неправильностей тѣмъ, что живутъ въ подчиненіи великому авторитету вѣры и преданія, передъ которымъ замолкаютъ ихъ мысли, чувства и желанія. Люди же образованные, дающіе своей психической жизни большую или меньшую свободу, были бы очень часто прежалкими существами, если бы не умѣли сомнѣваться въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ. Они должны для этого умѣть—*объективировать* свои психическія явленія, разсматривать ихъ лишь какъ принадлежность своей души, еще не рѣшая вопроса объ ихъ истинности и ложности, не придавая имъ никакого дѣйствительнаго значенія. Всѣ мы стараемся быть какъ можно искуснѣе въ этомъ объективированіи, учимся не вѣрить самимъ себѣ, изучаемъ себя такъ, какъ изучаемъ постороннихъ людей, для того, чтобы въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ не подчиняться слѣпо особенностямъ и ошибкамъ своего ума и сердца.

Но довести до конца это объективированіе мы не можемъ, по крайней мѣрѣ не можемъ, не убивъ въ себѣ всякой способности мыслить и дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ,

очевидно, должны остаться для этого въ запасѣ такія мысли, въ истинѣ которыхъ мы не можемъ сомнѣваться, такія чувства и желанія, отъ которыхъ мы не можемъ отказаться, на которыя не можемъ смотрѣть какъ на прихоть, по произволу исполняемую и отмѣняемую. Какъ ни глубоко бываютъ иногда скрыты въ душѣ человѣка эти мысли и желанія, но онѣ есть въ каждомъ и иногда вдругъ обнаруживаются съ большою силою.

Въ чисто-теоретическомъ отношеніи можно сказать то же самое. Философы лишь постепенно и съ большимъ усиліемъ обьективировали силы и дѣйствія души. То, что считалось несомнѣннымъ свойствомъ вещей самихъ въ себѣ, постепенно было признаваемо лишь за наши субъективныя настроенія. Такъ, Юмъ усумнился въ дѣйствительности причинной связи, а Кантъ призналъ и пространство, и время, и категоріи бытія и множества за формы нашего ума.

Поэтому правильно будетъ, если мы не будемъ заранѣе дѣлать въ психическихъ явленіяхъ никакихъ подраздѣленій, а сперва научимся на весь этотъ міръ смотрѣть, какъ на имѣющій дѣйствительность только въ нашей душѣ.

III.

Обьективированіе.

Мы сказали, что это есть обьективированіе психическихъ явленій. Смыслъ этого выраженія тотъ, что въ каждомъ познаніи необходимо различается познающій субъектъ и познаваемый объектъ, и что, слѣдовательно, все познаваемое должно быть въ какой-нибудь мѣрѣ обособлено отъ субъекта, такъ или иначе должно отъ него независѣть.

Чистый объектъ, какъ мы видѣли, есть *вещество*, нѣчто совершенно независимое отъ субъекта, вполне ему чуждое. Теперь, когда мы стараемся сдѣлать своимъ объектомъ психическія явленія, мы и имъ должны приписать нѣкоторую отдѣльность отъ субъекта, нѣкоторую независимость. Такъ мы

и дѣлаемъ, и дѣлаемъ не только при теоретическомъ изслѣдованіи, но и въ нашей обыкновенной жизни.

Каждый знаетъ, что его психическія явленія не вполнѣ зависятъ отъ него. Не только мы не можемъ не видѣть и не слышать того, что дѣлается передъ нами, но наши мысли и чувства приходятъ къ намъ помимо нашей воли и даже противъ нашего усиленнаго желанія. Эта независимость психическихъ явленій часто такъ рѣзко обнаруживается, что люди готовы приписывать свои собственные мысли и чувства внушеніямъ другихъ существъ.

И опять, ни въ чемъ такъ ясно и постоянно не обнаруживается эта независимость, какъ во снѣ. Во снѣ мы живемъ полною жизнью, всѣми сторонами нашей души и однако готовы отрицать всякую связь между этою сонною жизнью и нашимъ дѣйствительнымъ существованіемъ. Что бы мы ни думали, ни чувствовали и ни дѣлали во снѣ, мы все это отрицаемъ, какъ непринужденное намъ. Между тѣмъ мы можемъ во снѣ чувствовать такую радость и такое горе, къ какимъ почти неспособны въ дѣйствительности, можемъ питать высокіе помыслы, можемъ совершать великіе подвиги или злодѣянія. Но, проснувшись, человѣкъ не вмѣняетъ себѣ ничего этого ни въ вину, ни въ заслугу; все это какъ-будто не онъ самъ чувствовалъ и дѣлалъ, а кто-то другой; или лучше сказать, все это онъ *принужденъ* былъ чувствовать и мыслить и дѣлать; онъ не имѣлъ никакой силы уклониться отъ этихъ дѣйствій его собственной души.

Привыкнувъ къ объективированію нашихъ психическихъ явленій, мы можемъ и въ бодрственномъ состояніи почти также смотрѣть на нихъ, и во многихъ случаяхъ невольно бываемъ приведены къ такому взгляду. Испытавъ нѣсколько жизнь, мы легко начинаемъ догадываться, что не мы сами дѣлаемъ нашу душевную исторію, а она дѣлается въ значительной мѣрѣ помимо насъ. Мы приносимъ съ собою, являясь на свѣтъ, опредѣленные задатки душевныхъ силъ, и ни качество, ни размѣры этихъ силъ отъ насъ не зависятъ. Правда, въ молодости мы расположены мечтать, что намъ все доступно и что нѣтъ границъ, за которыя мы не могли бы перешагнуть. Но такія мечты мы прощаемъ только молодости,

зрѣлаго же человѣка мы назовемъ легкомысленнымъ, если онъ хоть отчасти не знаетъ свойствъ и предѣловъ своихъ способностей. Потомъ, ростомъ души, развитіемъ и измѣненіемъ коренныхъ силъ ума и сердца, мы также мало управляемъ, какъ развитіемъ нашего тѣла и тѣми перемѣнами, которымъ оно подвержено отъ младенчества до дряхлости. Но тѣло имѣетъ даже, повидимому, гораздо больше постоянства, чѣмъ душа. Въ душѣ мы не можемъ, повидимому, ручаться ни за одну мысль, ни за одно желаніе, ни за одно чувство, какъ за что-нибудь неизмѣнное; все это можетъ исчезнуть, все можетъ замѣниться другимъ содержаніемъ. Ежедневно, ежеминутно обновляются наши мысли, измѣняется наше настроеніе. Сама природа психическихъ явленій такова, что мы лишены возможности закрѣпить ихъ, удержать въ неизмѣнномъ видѣ. Самое пламенное чувство холодѣетъ, самая живая мысль иссыхаетъ, и если иногда живутъ въ насъ очень долго, то во всякомъ случаѣ подвергаются съ теченіемъ времени превращеніямъ, которыхъ остановить и даже задержать не могутъ никакія наши усилія.

И такимъ образомъ, человѣкъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, всегда есть зритель собственной жизни, а не только ея творецъ. Если же мы усилимъ въ себѣ привычку объективировать свои душевныя состоянія, то все больше и больше можемъ приходить въ расположеніе подобное сну, и не столько жить, сколько созерцать то, какъ намъ *живется*.

Иногда, впрочемъ, среди самой бодрой жизни на насъ нападаетъ настроеніе, подобное тому, въ которомъ мы чувствуемъ себя во снѣ. Иногда мы спрашиваемъ себя: «не сплю ли я? что-то слишкомъ хорошо,» или: «что-то слишкомъ странно!» Это значить, что въ душѣ нашей поднялись такія чувства, которыхъ мы не ожидали ни отъ себя, ни отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и мы вдругъ теряемъ обыкновенное чувство обладанія и собою и дѣйствительностію.

IV.

Эмпирическая психологія.

Итакъ, психическія явленія могутъ быть объективированы, могутъ стать нѣкоторымъ объектомъ. Слѣдовательно, ихъ можно изслѣдовать и познавать; слѣдовательно, они могутъ составить предметъ нѣкоторой науки.

Этотъ міръ долженъ, какъ нѣчто объективное, удовлетворять всѣмъ требованіямъ, какія мы дѣлаемъ отъ объекта. Именно—явленія этого міра могутъ быть *классифицированы*, подведены подъ опредѣленные роды и виды; далѣе—ихъ можно *анализировать*, различать въ нихъ простыя и сложныя и опредѣлять составленіе однихъ или другихъ; наконецъ—ихъ отношенія между собою и со всякими другими явленіями должны быть подчинены строгимъ законамъ, точному *детерминизму*, и можно разыскать эти законы.

Такимъ образомъ, передъ нами открывается обширная область изслѣдованій; тутъ найдутъ себѣ приложеніе всевозможныя научныя приемы; нужно будетъ дѣлать наблюденія и опыты, нужно составлять гипотезы и теоріи, и потомъ повѣрять ихъ выводы.

Такая наука создана и разработана въ большихъ размѣрахъ; ее называютъ *эмпирическою психологіей*, не потому, чтобы она исключала всякій раціональный элементъ (что невозможно), но потому, что ее основали эмпирики, мыслители, думавшіе свести все человѣческое познаніе на одинъ опытъ и старавшіеся во всемъ начинать съ опыта. Это были англійскіе философы—Локкъ, Гертли (Hartley), потомъ ирландецъ Беркли (Berkeley) и цѣлый рядъ знаменитыхъ шотландцевъ, продолжающійся до нашего времени: Юмъ, Томасъ Ридъ, Догальдъ Стюартъ, Томасъ Броунъ, два Милля (Джемсъ и Джонъ Стюартъ, отецъ и сынъ) и наконецъ Александръ Бэнъ.

Эта психологія, какъ видно уже изъ одного этого перечня, росла очень привольно и роскошно, и притомъ была туземнымъ, не только вообще англійскимъ, а даже преимущественно шотландскимъ произрастеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ,

она требовала особенныхъ условій, своеобразнаго настроенія ума. Чтобы спокойно и долго изслѣдовать психическія явленія съ этой точки зрѣнія, нужно было видѣть въ нихъ факты сами по себѣ интересные, и нужно было исповѣдывать, что изученіе должно ограничиваться эмпирическимъ изслѣдованіемъ предмета. Всякая односторонняя и узкая точка зрѣнія даетъ богатые результаты, какъ скоро мы на ней прочно установимся и долго работаемъ.

Въ Германіи наука, подобная англійской эмпирической психологіи, развилась позднѣе; основателемъ ея нужно считать *Гербарта*, въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Онъ задачею наблюденій и опытовъ поставилъ изученіе, такъ называемаго, *психическаго механизма*, то есть той зависимости, въ которой находятся одни психическія явленія отъ другихъ, какъ-бы нѣкотораго рода механическихъ законовъ, которымъ они подчинены въ своихъ движеніяхъ, сліяніяхъ и т. д. Подобную же механику, хотя въ другихъ формахъ, пытался установить *Бенеке*. Разница между гербартианцами и бенекіанцами заключается въ нѣкоторыхъ положеніяхъ и предположеніяхъ, идущихъ дальше опыта; отъ такихъ положеній вообще никогда не отказываются нѣмцы, по какому-то прирожденному требованію полноты и системы.

Школу Гербарта можно назвать теперь процвѣтающею; къ ней могутъ быть причислены современные намъ*) ученые — Лотце, Лацарусъ и Штейнталь. Изслѣдованіе психическаго механизма несомнѣнно дало очень интересные и важные результаты.

Наконецъ, сюда же, къ эмпирической психологіи, слѣдуетъ отнести всѣ изслѣдованія фізіологовъ, касающіяся душевной жизни. Фізіологія собственно занимается изслѣдованіемъ вещественныхъ явленій, явленій человѣческаго тѣла (если брать фізіологію въ ея тѣснѣйшемъ смыслѣ). Но такъ какъ съ извѣстною частью тѣлесныхъ явленій неизмѣнно связано обнаруженіе психическихъ явленій, то на фізіологіи, какъ наукѣ, изслѣдующей тѣло, лежитъ обязанность опредѣлить съ совершенною точностію тѣ вещественные процессы, которые составляютъ условіе или постоянно соотвѣтствуютъ даннымъ психическимъ явленіямъ. Сами психическія явленія

*) Писано въ 1878 году. Изд.

не составляют и не могут составлять предметъ фізіологіи; они ей даются готовые изъ психологіи, совершенно такъ, какъ готовыми ей даются законы и явленія механики, фізики, химіи. Но возможно, конечно, что фізіологъ, изслѣдуя человѣческое тѣло, сдѣлаетъ новыя наблюденія и изслѣдованія по части фізики или химіи; и несравненно болѣе возможно, вслѣдствіе несовершенства эмпирической психологіи, что онъ достигнетъ нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ въ психологіи. Обыкновенно фізіологи вдаются въ психологію безъ малѣйшаго зазрѣнія, какъ въ область, еще не имѣющую полновластныхъ хозяевъ и строго установленнаго порядка,—что отчасти справедливо, но далеко не въ той степени, какъ многіе изъ фізіологовъ думаютъ.

Чтобы объяснить положеніе дѣла, войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

У фізіологовъ въ настоящее время вполне установилось слѣдующее, совершенно правильное дѣленіе явленій, которыя сюда относятся:

1) *Впечатлѣніе* (*impressio, Eindruck*), то есть чисто физическія, вещественныя дѣйствія, производимыя другими тѣлами, другими матеріальными предметами на наше тѣло. Наше тѣло, какъ матеріальный предметъ, по физическому закону, отвѣчаетъ на каждое впечатлѣніе извѣстнымъ воздѣйствіемъ, тоже чисто физическимъ явленіемъ; то воздѣйствіе, природы котораго мы хорошенько не знаемъ, напримѣръ то, которое происходитъ въ нервахъ при дѣйствіи на нихъ особыхъ явленій (свѣта, звука), называется *раздраженіемъ* (*irritatio, Reizung*). Въ обыкновенномъ языкѣ подъ словомъ впечатлѣніе разумѣется не только впечатлѣніе на тѣло, но также, и преимущественно, впечатлѣніе на душу; но въ фізіологіи и психологіи этому слову придается то болѣе тѣсное значеніе, которое мы объяснили.

2) *Ощущеніе* (*sensatio, Empfindung*) есть то, уже чисто психическое, явленіе, которое непосредственно возбуждается впечатлѣніемъ и зависитъ отъ него по строго опредѣленнымъ законамъ. Не всякое впечатлѣніе возбуждаетъ ощущеніе, и не всякое ощущеніе происходитъ отъ впечатлѣнія. Но тѣ ощущенія, которыя происходятъ отъ тѣлесныхъ впечатлѣній (или

еще правильнѣе—отъ возбуждаемыхъ ими раздраженій), причисляются къ элементарнымъ психическимъ явленіямъ, то есть къ простѣйшимъ, неразложимымъ.

3) *Воспріятія* (perceptio, Wahrnehmung), а равно и всѣ другія психическія явленія, кромѣ ощущеній. Подъ именемъ воспріятій разумѣются тѣ психическія явленія, которыя сопровождаются представленіемъ дѣйствительнаго существованія процессовъ и предметовъ внѣшняго міра. Когда въ насъ совершаются эти явленія, то мы, какъ говорится, *воспринимаемъ* внѣшній міръ, какъ-бы принимаемъ въ себѣ его предметы и явленія. Если окажется, что дѣло идетъ во снѣ, то мы называемъ это *мнимымъ* воспріятіемъ; если же мы убѣждены, что бодрствуемъ, то вмѣстѣ убѣждены, что дѣйствительно совершаемъ процессъ познанія внѣшняго міра.

Это различіе между ощущеніями и воспріятіями сдѣлалось ходячимъ въ фізіологіи; это твердо пріобрѣтенный пунктъ науки. Между тѣмъ, оно до сихъ поръ не можетъ сдѣлаться популярнымъ; по обыкновенному пониманію, воспріятіе предметовъ есть то же, что ощущеніе ихъ. Мы воспринимаемъ внѣшніе предметы—это значитъ: мы ихъ ощущаемъ, видимъ, слышимъ, осязаемъ. Но такъ какъ оказалось, что ощущеніе и воспріятіе—двѣ вещи различныя, именно, что въ воспріятіи содержится больше, чѣмъ въ ощущеніи, то понятно, что фізіологи, на обязанности которыхъ лежитъ опредѣлить физическія условія ощущеній, волей-неволей должны были вѣдаться въ психологію, чтобы въ каждомъ случаѣ точно различать чистыя ощущенія отъ того усложненія, которое вносится въ нихъ, когда они обращаются въ воспріятіе.

Трудность пониманія этого различія вся и зависитъ отъ того, что вопросъ здѣсь чисто психологическій, что дѣло идетъ о двухъ родахъ субъективныхъ явленій—ощущеніи и воспріятіи. Какъ только мы твердо станемъ на точку зрѣнія эмпирической психологіи, сумѣемъ обективировать эти явленія, дѣло намъ станетъ чрезвычайно ясно. Замѣтимъ, что относительно зрѣнія различіе между ощущеніями и воспріятіями излагается и доказывается въ каждомъ элементарномъ курсѣ физики; но такъ какъ учащіеся и учащіе не предполагаютъ, что имѣютъ передъ собою не физическое объясненіе, а пси-

хологическую теорему, то она не возбуждаетъ въ нихъ надлежащаго вниманія и не оставляетъ надлежащаго впечатлѣнія.

Въ учебникахъ физики совершенно ясно доказывается, что

- 1) ощущенія, возбуждаемыя свѣтомъ въ глазу, не даютъ и не могутъ дать понятія о *разстояніи* предмета,
- 2) не даютъ и не могутъ дать понятія о его *величинѣ*,
- 3) о его *формѣ*, и т. д.

Слѣдовательно, если мы видимъ предъ собою предметъ на извѣстномъ разстояніи, извѣстной величины и формы, то это воспріятіе происходитъ не отъ того только, что отъ предмета идутъ лучи свѣта, что эти лучи производятъ извѣстные раздраженія въ сѣтчатой оболочкѣ глаза, а эти раздраженія вызываютъ извѣстные ощущенія, но лишь потому, что, сверхъ всего этого, совершается въ насъ психическая дѣятельность, которая одна можетъ сообщить видимому предмету ту форму и величину и то разстояніе отъ насъ, какія мы въ немъ находимъ.

Подобныя теоремы можно доказать и относительно всѣхъ другихъ чувствъ. Міръ, который мы такъ легко воспринимаемъ зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, вовсе не дается намъ ощущеніями этихъ чувствъ; ощущенія ихъ очень скудны, неясны и отрывочны; но наша душа съ изумительною быстротою и легкостію каждое мгновеніе строитъ изъ нихъ тѣ ясные, отчетливые и полные образы, которые мы называемъ нашими воспріятіями.

Итакъ, мы находимся здѣсь въ области психологіи; передъ нами психологическій процессъ, въ которомъ изъ нѣкоторыхъ простыхъ субъективныхъ явленій (ощущеній) возникаютъ болѣе сложные и содержательныя (воспріятія). Если же такъ, то изученіе этого процесса подлежитъ психологамъ, а не фізіологамъ. Въ исторіи мы дѣйствительно и находимъ, что основатели эмпирической психологіи, Локкъ и Беркли, первые указали на разницу между двумя родами явленій, и Беркли съ полнѣйшею ясностію и точностію доказалъ ее относительно зрѣнія. Ученіе Беркли, даже со всѣми его метафизическими выводами, принималъ Галлеръ *), и существенныя

*) *Elementa physiologiae corporis humani*. T. V, 579 sq. (1779).

черты этого ученія были приняты всѣми физиологами и вошли во всѣ учебники физики.

Подобныхъ, вполне твердыхъ и ясныхъ изслѣдованій можно много указать въ области эмпирической психологіи. Большою знаменитостію пользуется, напримѣръ, ученіе объ *ассоціаціи* представленій, такъ что иногда всю эту науку называютъ *ассоціаціонною психологіей*. Если же эти изслѣдованія не всегда привлекаютъ къ себѣ то изученіе и уваженіе, котораго заслуживали бы, то, кажется, потому, что читатели часто приписываютъ имъ не то значеніе, какое они имѣютъ на самомъ дѣлѣ; чаще же всего и сами изслѣдователи не ограничиваются строго тою точкою зрѣнія, съ которой вполне законны ихъ изысканія. Цѣль ихъ должна быть одна—изученіе связи и законовъ *объективированныхъ психическихъ явленій*. Какъ на книгу, свободную, сколько мнѣ кажется, отъ уклоненій въ стороны, укажу на сочиненіе Штейнтала: *Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*. Berlin, 1871.

V.

С о з н а н і е.

Въ эмпирической психологіи мы имѣемъ предъ собою цѣлый міръ явленій, строго подчиненный извѣстнымъ законамъ, недопускающій безконечныя сочетанія и могущій представить намъ безпредѣльное поприще для изученія. Но если мы желаемъ изслѣдовать основныя понятія нашего предмета, мы должны помнить, что этотъ міръ данъ намъ подъ условіемъ, и слѣдовательно, должны вносить это условіе въ наше понятіе о немъ. Психическія явленія только тогда могутъ быть получаемы, какъ нѣчто объективное, когда они нами объективированы, то есть отличены нами отъ *насъ самихъ*, приняты за нѣчто независимое и какъ-бы даже противоположное нашему я. Условіе состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что предполагается постоянное различіе между *объектомъ* и *субъектомъ*, что каждое психическое явленіе, принятое за объектъ, требуетъ для себя нашего я, какъ субъекта.

Великая мысль, всякое чувство, или желаніе возможны только подъ условіемъ нѣкотораго я, которое мыслить эту мысль, чувствуетъ это чувство, желаетъ этимъ желаніемъ. Самая существенная черта психическихъ явленій заключается въ этомъ удивительномъ раздвоеніи каждаго изъ нихъ на субъектъ и объектъ. Это раздвоеніе мы называемъ *сознаніемъ* и признаемъ обыкновенно, что всякое психическое явленіе сопровождается сознаніемъ. Такъ говоритъ и Декартъ въ параграфѣ 9-мъ: «Подъ именемъ мышленія я разумѣю все, что совершается въ насъ, когда мы сознаемъ себя и на сколько въ насъ есть сознаніе этого совершающагося».

Итакъ, съ психическимъ міромъ нераздѣльно связанъ его субъектъ, его я. Понятіе объ этомъ субъектѣ легко получается, какъ выводъ изъ предыдущихъ положеній. Если мы отличаемъ себя отъ нашихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и желаній, то значить въ нашемъ я мы не должны предполагать ничего, что открываемъ въ своей душѣ внутреннимъ наблюденіемъ: въ немъ нѣтъ ни разнообразія, ни перемѣнъ, ни частей, ни послѣдовательности, ни связей и законовъ, словомъ, — ничего такого, что мы могли бы обьективировать. Это есть уже чистый субъектъ, который поэтому опредѣляется лишь отрицательными чертами, своею недоступностію для познанія (такъ какъ всякое познаніе есть обьективированіе).

Поэтому мы говоримъ: наше я есть нѣчто, ничего въ себѣ не содержащее, никакой множественности не представляющее, никакихъ перемѣнъ не имѣющее, то есть всегда единое и всегда неизмѣнное, — монада, неподвижная центральная точка психическаго міра. Не нужно обманываться формами языка, который все обращаетъ въ положительное и имѣетъ лишь скудныя формы отрицанія. Въ нашемъ я передъ нами является нѣчто, по истинѣ недоступное нашей мысли и рѣчи. Чтобы понять это, нужно лишь твердо держаться того положенія, что это — *субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ стать обьектомъ*. Слѣдовательно, если мы вздумаемъ мыслить и говорить о немъ нашими обыкновенными приемами, мы заранѣе должны знать, что только дѣлаемъ ошибку, только путаемъ понятія.

Указаніе и разъясненіе подобной путаницы можно, между прочимъ, употребить, какъ хорошее средство, чтобы отрицательно установить понятіе, къ которому нельзя подойти съ положительной стороны.

По неудержимой склонности къ объективированію, мы подводимъ наше я подъ обыкновенныя категоріи страданія и дѣйствія; но тогда получаются у насъ удвоенія, которыя, если ихъ понять буквально, окажутся совершенно лишними и въ сущности бессмысленными. Напримѣръ, часто говорятъ: я мыслю свою мысль, я чувствую свое чувство, я сознаю свое я. Тутъ мы приписываемъ я дѣятельность, которая направлена на его собственную дѣятельность, и при томъ совершенно такая же какъ и та, на которую она направлена. Если бы это было возможно, то подобный процессъ могъ бы повторяться еще и еще, и нельзя было бы найти никакого предѣла этому усложненію. Въ дѣйствительности, конечно, это не бываетъ, и обманъ происходитъ лишь отъ того, что мы изъ своего я дѣлаемъ мнимый объектъ и начинаемъ обращаться съ нимъ, какъ съ однимъ изъ объектовъ, пока не убѣдимся, что изъ этого ничего не выходитъ и не можетъ выйти.

Эта ошибка вообще не ведетъ ни къ чему, кромѣ страннаго чувства неразрѣшимой путаницы, и потому можетъ считаться безвредною. Точно такъ безвредны и всѣ тѣ выраженія объ я, въ которыхъ оно является дѣйствующимъ, одареннымъ опредѣленными силами и способностями; нужно только при этомъ не придавать рѣчи ея буквального смысла, какъ мы не придаемъ и во множествѣ другихъ случаевъ. Нашъ языкъ вообще переполненъ несобственными словами и оборотами, и обходиться безъ нихъ невозможно, да и незачѣмъ, какъ скоро мы знаемъ, что слова лишь *означаютъ* мысль, а не составляютъ ея соразмѣрнаго выраженія. Всѣ явленія нашего психическаго міра можно относить къ нашему я, какъ его принадлежности или проявленія; но нужно помнить при этомъ, что само оно нисколько не входитъ въ нихъ и, давая имъ извѣстнаго рода бытіе, само этому бытію ни мало не причастно.

VI.

Я эмпирической психологіи.

Всего любопытнѣе и важнѣе та ошибка, въ которую въ этомъ случаѣ впадаетъ эмпирическая психологія. Она подводитъ я подъ то понятіе, подъ которымъ разсматриваетъ всѣ другія изслѣдуемыя ею явленія. Слѣдовательно, для нея я буду одинъ изъ нашихъ объективированныхъ психическихъ явленій, буду нѣкоторымъ представленіемъ, одною изъ *идей*, по терминологіи Локка. Совершенно такъ, какъ и относительно другихъ *идей*, она изслѣдуетъ условія и обстоятельства происхожденія этой *идеи*. Постоянное тожество нашего я съ самимъ собою она объясняетъ точно такъ, какъ тожество, признаваемое нами въ какихъ-нибудь другихъ представленіяхъ. Но понятно, что за его измѣнность и единство она ручаться не можетъ, и потому готова признать въ немъ переменны и готова допустить его множественность, то есть предположить, что въ человѣческой душѣ могутъ существовать разомъ нѣсколько такихъ представленій, нѣсколько я. Какъ ни странно слышать такое предположеніе, но, безъ сомнѣнія, оно совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ точки зрѣнія эмпирической психологіи. Какъ представленіе, положимъ, извѣстной книги всегда тождественно само съ собою, и это не мѣшаетъ намъ однако же имѣть представленія другихъ книгъ, тоже съ собою тождественныя, такъ и представленіе одного нашего я не мѣшаетъ существовать въ насъ представленіямъ другихъ нашихъ же я.

Въ послѣднее время психологи-эмпирики не только вывели и высказали это заключеніе, но стали даже утверждать, что оно доказывается опытомъ, именно наблюденіями надъ нѣкоторыми душевно-больными. Такъ Тэнъ (H. Taine) ссылается на наблюденія, сдѣланныя д-ромъ Кришаберомъ, который описалъ 38 случаевъ особенной болѣзни (*névropathie cerebro-cardiaque* *), представляющей странныя уклоненія отъ обыкновенной формы сознанія своего я. Тэнъ совѣщался

*, De la Névropathie cerebro-cardiaque par le Dr. Krishaber. Paris. 1873.

съ самимъ докторомъ, изучалъ журналы больныхъ, распрашивалъ даже одного изъ выздоровѣвшихъ больныхъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію:

«Почти всѣ больные употребляютъ одинаковыя выраженія; на примѣръ, одинъ говорилъ: *Я чувствовалъ себя такъ вполне перемѣнившимся, что мнѣ казалось, я сталъ къ-мъ-то другимъ; эта мысль постоянно преслѣдовала меня, хотя я ни на минуту не забывалъ, что она обманчива.* Другіе говорили: *Иногда мнѣ казалось, что я не я самъ, или же я чувствовалъ, что постоянно грежу.* Или: *Я сомнѣвался въ своемъ собственномъ существованіи, и были минуты, когда я переставалъ въ него вѣрить.* И т. д.»

«Д-ръ Кришаберъ и выздоровѣвшій больной № 38 идутъ даже дальше; они полагаютъ, что больные не ошибаются, когда думаютъ, что стали къ-мъ-то другимъ. *Не только, говорилъ этотъ выздоровѣвшій,—мнѣ казалось, что я былъ къ-мъ-то другимъ, но я дѣйствительно былъ другимъ: другое я заступило мѣсто моего перваго я.* И въ самомъ дѣлѣ, «составныя ощущенія его я стали другія, а слѣдовательно, и «его вкусы, желанія, способности, все стало другое. Такимъ образомъ, я, нравственная личность, есть нѣкоторое произведеніе, котораго первоначальные факторы суть ощущенія, «и это произведеніе, рассматриваемое въ различные моменты, «бываетъ не одно и то же, и кажется однимъ и тѣмъ же «только потому, что составныя ощущенія остаются все тѣ же. «Если же вдругъ эти ощущенія станутъ другими, то и оно «станетъ другимъ и явится самому себѣ *къ-мъ-то другимъ.* «Тутъ опытъ подтверждаетъ теорію. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ доктора Кришабера,—*то особенное болѣзненное состояніе, вслѣдствіе котораго больной теряетъ до нѣкоторой степени чувство своей собственной личности, проходитъ только тогда, когда исчезаютъ тѣ извращенія ощущеній, съ которыми связано это состояніе.* По моему мнѣнію, это «вполнѣ рѣшаетъ дѣло, и я нахожу, что небольшой рассказъ, «который прочли читатели, болѣе поучителенъ, чѣмъ цѣлый «томъ метафизики объ субстанціи нашего я» *).

*) *Revue philosophique* 1876. T. I., p. 294 (Sur les éléments et sur la formation de l'idée de moi H. Taine).

Танъ, очевидно, хочетъ признать, вмѣстѣ съ больнымъ № 38, что второе я по существу своему было совершенно такое же, той же природы и того же достоинства, какъ и первое я. Второе я было произведеніемъ новыхъ ощущеній, точно такъ же, какъ и первое я—произведеніемъ старыхъ. Но такъ какъ это первое я не исчезало совершенно, то оказывается, что въ этомъ недѣлимомъ было разомъ два я, старое и новое, для чего, по теоріи эмпирической психологіи, нѣтъ никакой помѣхи, ибо въ душѣ могутъ существовать не только два, но многія различныя произведенія различныхъ родовъ ощущеній. Такъ это и бываетъ, и одинъ больной рассказывалъ мнѣ, напримѣръ, что въ припадкѣ болѣзни онъ чувствовалъ себя раздѣленнымъ на *восемь* недѣлимыхъ.

Но легко видѣть, что всѣ эти фантазіи о нѣсколькихъ я въ одномъ человѣкѣ рушатся, какъ скоро не доказано, что эти я совершенно однородны между собою. Хотя больной д-ра Кришабера и говорилъ ему, что новое я *заступило мѣсто стараго*, но ясно, что оно не вполне заступало это мѣсто, такъ какъ старое я замѣчало его нашествіе и, будучи принуждено уступить ему мѣсто, откуда-то изъ угла наблюдало за нимъ. Другой больной очень хорошо описываетъ эту борьбу, показывающую всю разницу между двумя я.

«Мнѣ казалось, что я дѣйствовалъ по постороннему для «меня побужденію, автоматически. Иногда я спрашивалъ самъ «себя, что я буду дѣлать, и присутствовалъ, какъ безучастный зритель, при своихъ движеніяхъ, своихъ словахъ, при «всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Во мнѣ было новое существо, и «рядомъ съ нимъ другая часть меня самого, старое существо, не принимавшее никакого участія въ новомъ. Помню «очень ясно, что я иногда говорилъ себѣ, что страданія этого «новаго существа для меня безразличны... Никогда, однако же, я не былъ обманутъ этими иллюзіями; но умъ мой «часто уставалъ непрерывно исправлять новыя ощущенія, и «я пускался жить несчастною жизнью этого новаго существа. Я горячо желалъ вновь увидѣть свой старый міръ, «снова стать своимъ старымъ я; это-то желаніе помѣшало «мнѣ стать самоубійцею. Я былъ кѣмъ-то другимъ, и я не «навидѣлъ и презиралъ этого другого, онъ былъ мнѣ безко-

«нечто противенъ; несомнѣнно было, что кто-то другой при-
«нялъ мою форму и взялъ на себя мои дѣла...» *).

Невозможно яснѣе и живописнѣе изобразить различіе между двумя я, живущими въ одномъ человѣкѣ. Одно изъ нихъ, старое, есть очевидно настоящее я, тотъ субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ быть объективированъ; другое же, новое я, есть нѣчто совершенно объективное и никакого субъекта въ себѣ не заключающее. Въ здоровомъ человѣкѣ между его двумя я, субъективнымъ и объективнымъ, существуетъ правильная связь, правильное отношеніе; въ больномъ эта связь нарушена,—мiръ психическихъ явленій вышелъ изъ-за законной власти своего центра. Но сущность этого центра и этихъ явленій не измѣнилась: и въ сумасшедшемъ они вполнѣ вѣрны своей природѣ. Вчитываясь въ предыдущее описаніе, мы легко можемъ замѣтить, что въ слабыхъ чертахъ самыя отношенія описанныхъ двухъ я повторяются въ душевной жизни каждаго изъ несомнѣнно здоровыхъ душою людей. Очень часто и здоровые люди дѣйствуютъ *автоматически*, очень часто бываютъ недовольны собою, досаждаютъ на собственные слова и дѣйствія, отъ которыхъ не сумѣли или не успѣли удержаться. Мы всѣ бываемъ принуждены наблюдать за собою, всѣ минутаи бываемъ противны самимъ себѣ; иногда даже *не узнаемъ себя*, когда психическая жизнь слишкомъ возбуждена или подавлена. Съ каждымъ бываютъ также случаи, когда *справиться съ собою* есть большой трудъ и заслуга. Такъ что, въ большей или меньшей степени, всѣ мы чувствуемъ ту враждебность между двумя я, которая достигла такой чрезмѣрной силы у нашего больного.

*) Та же статья *Тэна*, стр. 293.

VII.

Субъектъ.

Та черта нашей духовной жизни, которую мы называемъ *сознаниемъ*, не есть одно изъ ея явленій, стоящее на ряду съ другими, а есть нѣкоторая общая ея черта, требующая для себя совершенно особеннаго понятія, именно—раздвоенія каждаго явленія на нѣчто объективируемое и на субъектъ, не подлежащій объективированію. Психологи-эмпирики обыкновенно отрицаютъ сознаніе въ этомъ смыслѣ, отрицаютъ, очевидно, потому, что оно не подводится подъ ихъ обыкновенныя понятія о психическомъ механизмѣ, ассоціацияхъ и т. д., и требуетъ какого-то выхода за предѣлы составленной ими картины душевной жизни. Но фактъ сознанія говоритъ о себѣ такъ громко, что не всѣ успѣвають оглушить себя въ отношеніи къ нему своими теоріями. Какъ доказательство чрезвычайной ясности этого факта мы приведемъ здѣсь мѣсто изъ Джона Стюарта Милля, тѣмъ болѣе замѣчательное, что этотъ мыслитель съ ранняго дѣтства былъ воспитанъ въ понятіяхъ ассоціаціонной психологіи, постоянно держался этихъ понятій и проводилъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ съ удивительною послѣдовательностью. Но, такъ какъ онъ притомъ отличался и безупречною, истинно философскою добросовѣстностію, то и написалъ слѣдующее:

«Кромѣ наличныхъ чувствованій и возможностей чувствованій, есть еще другой разрядъ явленій, которыя нужно «включить въ перечисленіе элементовъ, составляющихъ наше «понятіе о душѣ. Нить сознанія, составляющая феноменальную жизнь души, состоитъ не только изъ наличныхъ чувствованій, но также отчасти изъ воспоминаній и ожиданій. «А что же это такое? Сами по себѣ это суть нѣкоторыя «личныя чувствованія, нѣкоторыя состоянія сознанія, и въ «этомъ отношеніи не отличаются отъ ощущеній. Кромѣ того, «они подобны нѣкоторымъ даннымъ ощущеніямъ или чувствованіямъ, испытаннымъ нами въ прежнее время. Но они «имѣютъ еще ту особенность, что каждое изъ нихъ заклю-

«чаетъ въ себѣ вѣрованіе во что-то сверхъ ихъ собственнаго
«существованія въ настоящее время. Всякое ощущеніе за-
«ключаетъ въ себѣ лишь вѣрованіе въ такое собственное су-
«ществованіе; между тѣмъ воспоминаніе ощущенія, даже если
«оно не относится къ опредѣленному времени, заключаетъ въ
«себѣ мысль и вѣрованіе, что то ощущеніе, котораго это во-
«споминаніе есть копія или представленіе, дѣйствительно су-
«ществовало въ прошлое время; точно такъ, ожиданіе за-
«ключаетъ въ себѣ вѣрованіе, болѣе или менѣе положитель-
«ное, что то ощущеніе, или другое какое чувствованіе, къ
«которому оно относится, будетъ существовать въ будущее
«время. Явленія, заключающіяся въ этихъ двухъ состояніяхъ
«сознанія, не могутъ быть и выражены иначе, какъ такъ:
«вѣрованіе, въ нихъ содержащееся, состоитъ въ томъ, что я
«самый прежде имѣлъ, или что я самый, а не кто другой,
«буду потомъ имѣть ощущенія, о которыхъ вспоминаю, или
«которыхъ ожидаю. Фактъ, составляющій предметъ вѣрованія,
«заключается въ томъ, что извѣстныя ощущенія нѣкогда дѣй-
«ствительно составляли, или будутъ впослѣдствіи составлять
«часть того самаго ряда состояній или той самой нити со-
«знанія, часть которой въ настоящее время составляютъ вос-
«поминаніе или ожиданіе этихъ ощущеній. Если, слѣдова-
«тельно, мы говоримъ, что душа есть рядъ чувствованій, то
«должны пополнить это положеніе и сказать, что душа есть
«рядъ чувствованій, знающій о своемъ прошедшемъ и буду-
«щемъ. Такимъ образомъ, мы приведены къ альтернативѣ:
«или принять, что душа, или *Я*, есть нѣчто отличное отъ
«всякаго ряда чувствованій и ихъ возможностей, или же до-
«пустить парадоксъ, что нѣчто, составляющее по предполо-
«женію лишь рядъ чувствованій, можетъ знать о себѣ, какъ
«о рядѣ.

«Истина въ томъ, что мы здѣсь лицомъ къ лицу съ
«чѣмъ-то окончательно неизъяснимымъ...» *).

Это признаніе строгаго психолога-эмпирика драгоцѣнно;
въ сущности, оно есть признаніе того я, которое никогда не

*) An examination of Sir William Hamilton's philosophy. Lond 1865,
p. 212, 213 (3-d ed. 1876. p. 241, 242).

можетъ быть объектомъ, а само составляетъ условіе всякой объективности. Именно, первоначальный пріемъ всякаго объективированія есть различеніе и расположеніе объектовъ во времени, слѣдовательно, въ нѣкоторый рядъ или нѣкоторую нить. Поэтому, условіе всякаго временнаго ряда заключается въ нѣкоторомъ *безвременномъ* я. Для того, чтобы время было внѣ насъ, мы сами должны поставить себя внѣ времени. Но въ сущности, тотъ же самый процессъ повторяется въ каждомъ, самомъ простомъ, ощущеніи. Мы не сливаемся съ этимъ ощущеніемъ, не поглощаемся имъ, если не теряемъ сознанія, и слѣдовательно, мы ставимъ себя внѣ его, и не только ощущаемъ, но и знаемъ, что ощущаемъ.

VIII.

Идеализмъ.

Какъ бы то ни было, даже и признавъ сознаніе въ его надлежащемъ смыслѣ, мы должны помнить, что мы все еще находимся во внутреннемъ субъективномъ мірѣ, въ той области, которая не отличается отъ сновидѣній. Сознаніе, чувство своего я, и во снѣ бываетъ въ насъ чрезвычайно живо, и какія бы силы мы ему ни приписали, мы должны будемъ согласиться, что и во снѣ онѣ дѣйствуютъ точно такъ, какъ въ бодрственномъ состояніи. Сознанію мы обыкновенно приписываемъ *память, вниманіе, сравненіе, отождествленіе* и т. д., словомъ, всѣ тѣ дѣятельности, которыя стоятъ *выше* объективируемыхъ душевныхъ явленій, сами уже объективированы быть не могутъ и совершаются только подъ условіемъ, что уже есть нѣкоторыя объективированныя явленія, совершаются *надъ* этими явленіями. Но все это происходитъ во снѣ съ такою же полнотою, какъ и въ бодрственномъ состояніи, такъ что въ самомъ свойствѣ этихъ явленій мы не найдемъ ничего, чѣмъ мы могли бы отличить сонъ отъ бдѣнія.

Впрочемъ, и не прибѣгая къ сравненію со сномъ, мы, какъ скоро вполне усвоили себѣ требуемую точку зрѣнія,

должны видѣть, что мы находимся во внутреннемъ мірѣ, и что намъ слѣдуетъ сдѣлать еще шагъ, и уже послѣдній, — выйти въ настоящій объективный міръ.

Но какъ же это сдѣлать? Для людей, никогда не задававшихся психологическими вопросами, этотъ вопросъ не существуетъ. Они твердо увѣрены, что движутся среди настоящей дѣйствительности, и она для нихъ очевиднѣе и несомнѣннѣе всего. Но, какъ скоро мы привыкли къ внутреннему наблюденію, когда научились анализировать свои мысли и чувства, тогда мы знаемъ, что непосредственно извѣстны намъ только тѣ душевныя явленія, которыя въ насъ совершаются, а все остальное намъ доступно только черезъ посредство этихъ явленій. Въ этомъ состоитъ основное положеніе, такъ называемаго, *идеализма*, ученія, имѣющаго множество формъ. Все, что содержится въ нашемъ познаніи, есть прежде всего нѣчто *идеальное*, то есть наша мысль, наше представленіе; вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ-ли этому идеальному что-нибудь реальное, и что именно соотвѣтствуетъ, есть вопросъ, есть задача, требующая разысканія, а вовсе не первоначальная данная, какъ думаютъ нефилософствующіе люди.

Эта точка зрѣнія, повидимому, совершенно неизбѣжна и вполне справедлива. Но этого мало. Повидимому, идеализмъ не допускаетъ никакого выхода изъ себя, то есть, или не позволяетъ намъ признать что-нибудь реальное за предѣлами нашего идеальнаго, или, не отрицая реальнаго, не даетъ намъ къ нему никакого доступа. И въ самомъ дѣлѣ, разъ попавъ въ нашъ внутренний міръ, развѣ можемъ мы изъ него выйти? Что бы мы ни представляли и какъ бы мы ни мыслили, не будетъ-ли все это лишь *наши мысли, наши представленія*? Наше понятіе о реальномъ, какъ бы мы его не изощряли, все-таки будетъ только понятіе; наше убѣжденіе въ существованіи внѣшняго міра, откуда бы мы ни выводили это убѣжденіе, и какую бы твердость ему ни приписывали, есть однако же не болѣе, какъ убѣжденіе, то есть нѣкоторое душевное состояніе. Мы, очевидно, попали въ безвыходный кругъ и обречены навсегда въ немъ оставаться.

Такъ часто и понимается это дѣло. Между тѣмъ, затрудненіе здѣсь, очевидно, похоже на то, которое испытываютъ

психологи-эмпирики при уясненіи понятія о нашемъ я. Я, какъ мы видѣли, не только не входитъ въ область эмпирической психологіи, но составляетъ то неизбежное условіе, подъ которымъ намъ дается эта область. Такъ точно, дѣйствительность не только не входитъ въ число явленій внутренняго міра, но составляетъ то условіе, которое необходимо, чтобы образовалось понятіе о внутреннемъ мірѣ. Понятіе психическихъ явленій мы образовали посредствомъ отрицанія той дѣйствительности, которой они соотвѣтствуютъ, и только такимъ образомъ и можно образовать это понятіе. Чтобы разсматривать наши мысли и представленія только какъ мысли и представленія, нужно ихъ считать, какъ выражается Декартъ, пустыми и ложными (*inanes et falsas, comme vaines et comme fausses*), то есть, мы должны отрицать въ нихъ ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Иначе они не явятся намъ въ качествѣ психическихъ явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, я конечно могу сказать, что вся моя жизнь есть сонъ, что міръ есть лишь мое представленіе, что само пространство и время суть лишь формы моего ума; но чтобы эти изреченія имѣли полный смыслъ, нужно, чтобы слова *сонъ, представленіе, умъ* имѣли нѣкоторое опредѣленное значеніе; а какъ же я получу это значеніе, если не стану отличать эти понятія отъ дѣйствительности? Слѣдовательно, прежде всего я долженъ признать дѣйствительность.

«Наша жизнь есть сонъ»; но если, кромѣ сна, ничего не существуетъ, то эти слова ничего не значать.

IX.

Реальная жизнь души.

Только легкая возможность и долгая привычка жить во внутреннемъ мірѣ могла проводить тѣ крайнія формы идеализма, какія мы находимъ въ исторіи философіи. Впрочемъ, если обратимся и къ обыкновенной жизни, то найдемъ много фактовъ, показывающихъ, какъ естественно для человѣка

идеалистическое настроеніе. Люди очень различаются по своему пониманію дѣйствительности и любви къ ней. У многихъ (особенно въ сѣверныхъ племенахъ) жизнь внутренняго міра мѣшаетъ ясному взгляду на дѣйствительность и заступаетъ отчасти мѣсто настоящей жизни. По временамъ всѣ мы живемъ мечтами и должны бороться съ ними, чтобы онѣ не заслоняли отъ насъ дѣйствительнаго хода вещей. Но во всякомъ случаѣ, мы на практикѣ, и отъ себя, и отъ другихъ, требуемъ нѣкотораго реализма, и ни за кѣмъ не признаемъ права быть окончательнымъ идеалистомъ. Если бы жизнь была сонъ, то развѣ не были бы правы пьяницы и курители опиума, проводящіе жизнь въ пріятномъ возбужденіи, въ которомъ многіе изъ нихъ находятъ свои мысли особенно свѣтлыми, свои чувства благородными и сильными? Но мы, хотя не дѣлаемъ изъ пьянства большой вины, однако не прощаемъ его вполнѣ и видимъ въ немъ извращеніе нормальной жизни.

Кромѣ пьянства вещественнаго, есть еще духовное, которое гораздо соблазнительнѣе и обыкновенно пользуется даже почетомъ, но въ сущности также ненормально и вредно. Не вино и опиумъ только заставляютъ насъ забывать дѣйствительность; можно напиваться своими мыслями, чувствами, желаніями. Въ людяхъ, у которыхъ сильно развитъ внутренний міръ, дѣло это очень обыкновенное. Тогда жизнь проходить въ безпрестанномъ питаніи и согрѣваніи въ себѣ извѣстнаго душевнаго настроенія, которому нерѣдко все приносится въ жертву. Любимая мысль ослѣпляетъ человѣка, такъ что онъ иногда не въ силахъ видѣть самую яркую очевидность; мечтательное чувство заглушаетъ самые простые и глубокіе инстинкты; фантастическія желанія заставляютъ губить и другихъ и себя.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что существуетъ большое различіе между жизнью во внутреннемъ мірѣ и въ дѣйствительности; это различіе мы наблюдаемъ ежедневно въ себѣ и въ другихъ, и постоянно упражняемся въ томъ, чтобы умѣть его проводить ясно и строго. Весь нашъ внутренний міръ, который намъ непосредственно и вполнѣ достовѣрно извѣстенъ, мы признаемъ какъ-будто недѣйствительнымъ въ срав-

неніи съ чѣмъ-то другимъ, вполне реальнымъ. Для того, чтобы явленія внутреннего міра получили для насъ вполне реальное значеніе, мы требуемъ отъ нихъ согласія или соотвѣтствія съ чѣмъ-то другимъ, требуемъ такого качества, котораго сами по себѣ они могутъ и не имѣть. А именно: наши мысли должны заключать въ себѣ дѣйствительное *познаніе*; наши чувства должны относиться къ нашему дѣйствительному благу, должны входить въ составъ нашего дѣйствительнаго счастья; наши желанія должны быть возможны для осуществленія, предназначены къ осуществленію и переходить въ реальныя дѣйствія. При этихъ условіяхъ нашъ внутренний міръ получаетъ значеніе полной дѣйствительности и теряетъ свою призрачность; жизнь изъ сна превращается въ настоящую жизнь.

Сообразно съ этимъ, мы приписываемъ явленіямъ внутреннего міра различное достоинство. Мы желаемъ, чтобы наши мысли были *истинны*, чувства прочны и чисты, и чтобы воля наша была *свободна*. Вотъ источникъ тѣхъ трансцендентныхъ понятій, которыя составляли и составляютъ такія трудныя задачи для философіи и въ то же время непрерывно присутствуютъ и дѣйствуютъ въ нашей ежедневной жизни.

X.

Познаніе.

Если мы не признаемъ за нашими мыслями способности быть *истинными*, или другими словами, если не признаемъ за собою возможности познанія, то мы не можемъ приняться ни за какое рассужденіе, и наше мышленіе будетъ игрой, о которой мы не въ правѣ будемъ даже сказать, дѣйствительно ли это пустая игра, или что-нибудь другое. Итакъ, мы всегда рассуждаемъ подъ тѣмъ *условіемъ*, что познаніе возможно и намъ доступно. Понятіе *истины*, слѣдовательно, не выводится ни изъ какихъ познаній и соображеній, а напротивъ того предполагается ими.

Такова психологическая постановка вопроса о познаніи, и можно показать, что всякая другая приведетъ къ противорѣчіямъ. Всѣ, такъ называемыя, *теоріи познанія* въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію того понятія, которое они хотятъ построить и объяснить. Именно, всѣ онѣ стремятся объективировать процессъ познанія, объективировать его совершенно такъ, какъ само познаніе объективируетъ другіе процессы и явленія. Но объективировать объективацію невозможно по самой сущности дѣла, такъ точно, какъ глазъ не можетъ видѣть самого себя, какъ нельзя видѣть свѣта, если свѣтъ есть именно то единственное средство, помощію котораго мы видимъ. Глазъ и свѣтъ суть условія, подъ которыми возможно зрѣніе; слѣдовательно, ихъ самихъ видѣть нельзя, такъ какъ для нихъ, по предположенію, этихъ условий нѣтъ. Многія попытки создать теорію познанія можно вполне уподобить тому, какъ если бы живописецъ задумалъ написать картину, которая сама бы себя видѣла.

Картина предполагаетъ зрителя. Безъ зрителя, то есть безъ нѣкотораго субъекта картина теряетъ весь свой смыслъ. Разсматриваемая чисто объективно, она представляетъ только вещественный предметъ извѣстной величины и формы, только полотно, натянутое на рамѣ и покрытое въ разныхъ мѣстахъ различнымъ слоемъ извѣстныхъ красокъ. Смыслъ картины открывается лишь тогда, когда кто-нибудь постигаетъ соотношеніе этихъ красокъ и очертаній и видитъ не полотно и краски, а то, что ими изображается. Слѣдовательно, живописецъ все время, пока пишетъ, воображаетъ передъ картиною зрителя, всего естественнѣе, на примѣръ, самого себя. Эта мысль о зрителѣ такъ жива и неотступна, что встрѣчаются картины, гдѣ живописцы къ сюжету картины прибавляли еще фигуру зрителя, разсматривающаго этотъ сюжетъ. Такъ Брюлловъ нарисовалъ самъ себя зрителемъ въ *Послѣднемъ Днѣ Помпеи*, а Рафаэль себя въ *Scuola d'Athene*, въ Ватиканѣ.

Но не было ли бы величайшею нелѣпостью, если бы какой-нибудь художникъ вообразилъ, что этотъ нарисованный зритель можетъ видѣть картину и такимъ образомъ замѣнить живого зрителя? Между тѣмъ, нѣчто подобное пы-

таются вообразить тѣ, кто думаетъ построить познаніе посредствомъ того, что доступно познанію.

Матеріалисты, сводящіе всякое явленіе на движеніе вещественныхъ частицъ и думающіе, что со временемъ они построятъ изъ этого движенія и познаніе, совершенно похожи на живописца, который надѣялся бы со временемъ такъ хорошо писать, что его фигуры будутъ видѣть она другую. Очевидно, мы можемъ представлять и вычислять всевозможное расположеніе и движеніе частицъ, но сами частицы никогда другъ объ другѣ ничего знать не будутъ; онѣ всегда останутся лишь предметомъ для познанія и никогда не превратятся въ познающій субъектъ.

Точно такъ и тѣ, которые пытаются построить познаніе изъ объективированныхъ душевныхъ явленій, напримѣръ, изъ *ощущеній*, или изъ другихъ дѣятельностей и законовъ души, ни къ чему не придутъ, кромѣ *субъективизма*, который есть въ сущности отрицаніе познанія. Какія бы явленія внутренняго міра мы ни взяли, и какъ бы мы ихъ ни комбинировали, мы все-таки останемся во внутреннемъ мірѣ, который, какъ мы знаемъ, есть нѣчто *пустое* и *ложное* по отношенію къ дѣйствительности. Представимъ, напримѣръ, что мы успѣли бы свести познаніе на *ощущенія*; тогда мы должны были бы рассуждать далѣе такимъ образомъ: а такъ какъ ощущеніе есть нѣчто наше субъективное, такъ какъ ничего подобнаго въ чисто-объективномъ мірѣ мы предполагать не можемъ, то значить, доказавъ, что все наше познаніе содержится въ ощущеніяхъ, мы доказали, что никакого дѣйствительнаго познанія мы не имѣемъ.

Приведемъ здѣсь рассужденіе знаменитаго фізіолога Гельмгольца, которое съ большою наглядностью обнаруживаетъ сущность вопроса. Гельмгольцъ доказываетъ что старинное опредѣленіе, по которому *истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ предметами*, — не имѣетъ никакого возможнаго смысла.

«Если-бы», говоритъ онъ, — «между представленіемъ въ «головѣ какого-нибудь человѣка А и представляемымъ предметомъ существовало какого бы то ни было рода подобіе, «согласіе, то нѣкоторый другой умъ В, который по одинако-

«вымъ законамъ представлялъ бы себѣ и этотъ предметъ, и «его представленіе въ головѣ А, могъ бы найти, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы мыслить между ними нѣкоторое сходство. «Ибо, равное, равно отраженное (представляемое), должно, «конечно, дать равные образы (представленія). Спрашиваю теперь: какое же сходство можно себѣ мыслить между процессомъ въ мозгу, сопровождающимъ представленіе стола, и «самымъ столомъ? Нужно ли воображать себѣ, что фигура «стола рисуется тамъ электрическими токами, и что если бы «представляющій представилъ себѣ, что онъ ходитъ вокругъ «стола, то электрическіе токи нарисуютъ еще и фигурку человека? Перспективные проекціи внѣшняго міра въ мозговыхъ полушаріяхъ, предполагавшіяся иными, очевидно недостаточны, чтобы образовать представленіе о вещественномъ «предметѣ. И положимъ, что смѣлую фантазію не устрасили бы такіа и подобныя гипотезы, то все-таки такое электрическое изображеніе стола въ мозгу было бы лишь другимъ «вещественнымъ объектомъ, который долженъ подлежать воспріятію, а не представленіемъ стола. Отвергать выставленное мною положеніе будутъ однако стремиться не столько приверженцы матеріалистическихъ мнѣній, сколько именно спиритуалисты. Между тѣмъ, для нихъ-то, какъ мнѣ кажется, дѣло напротивъ должно быть еще яснѣе. Какое подобіе возможно предположить между представленіемъ—измѣненіемъ «невещественной, непротяжной души, и занимающимъ пространство тѣломъ—столомъ? Со стороны спиритуалистическихъ философовъ, сколько я знаю, даже никогда не было «попытки составить гипотезу, или фантазію, чтобы построить «это подобіе, да и по самой сущности этого взгляда вовсе «нельзя дѣлать подобныхъ попытокъ» *).

Эти разсужденія Гельмгольца очень ясно показываютъ, что если мы согласіе представлений съ предметами будемъ понимать объективно, слѣдовательно, какъ нѣкоторое сходство между тѣми и другими, то придемъ къ безсмыслицѣ. Но отсюда

*) Handbuch der physiologischen Optik, bearbeitet von H. Helmholtz. Leipz. 1867, стр. 443.

слѣдуетъ не то, что познаніе невозможно, а только то, что согласіе, о которомъ идетъ рѣчь, нужно понимать иначе. И вообще, мы необходимо придемъ къ отрицанію познанія, когда будемъ выводить его изъ какихъ бы то ни было объективныхъ дѣйствій или отношеній между нашею душой и другими предметами. Всякое объективное дѣйствіе или отношеніе имѣетъ результатомъ только воздѣйствіе или обратное отношеніе, такое же объективное, слѣдовательно, не заключающее въ себѣ познанія. Вотъ почему, въ вещественной природѣ, предполагая всякаго рода дѣйствія и отношенія между вещами, мы не видимъ никакого движенія къ познанію. Вещественный міръ, по нашему обыкновенному представленію, совершенно *слѣпъ*, ни мало не знаетъ себя. Человѣкъ же есть зритель міра, онъ обладаетъ познаніемъ.

XI.

Ч у в с т в о .

Реальность нашихъ чувствъ заключается въ томъ, что они бываютъ пріятны и непріятны, такъ что могутъ составить наше дѣйствительное благополучіе или несчастье. Это свойство нашихъ чувствъ не можетъ быть объективировано и не составляетъ предмета познанія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Взаимныя отношенія объективныхъ явленій, ихъ дѣйствія и воздѣйствія, и также всякіе объективные процессы, совершающіеся въ существахъ, какъ бы мы ихъ ни усложняли и ни поворачивали, не дадутъ намъ ни искры пріятнаго или непріятнаго. Вотъ почему, міръ вещественный мы считаемъ совершенно безчувственнымъ. Мало того: разсматривая объективно явленія нашей души, анализируя процессы нашего психического механизма, мы изучаемъ какъ-будто одинъ холодный трупъ душевной жизни, и должны прибавлять къ описанію различныхъ его частей особое указаніе на значеніе тѣхъ чувствъ, которыя имъ свойственны, на ихъ относительный вѣсъ, если можно такъ выразиться.

Міръ самъ по себѣ, объективно, холоденъ и безразличенъ. Только наше чувство дѣлаетъ изъ него предметъ отвращенія и восторга, вноситъ въ него красоту и величіе, ужасъ и безобразіе. И это происходитъ постоянно, ежеминутно; безцвѣтный, сѣрый объективный міръ является намъ раскрашеннымъ. Цвѣта, какъ и всякія другія качества, суть лишь наши собственные обьективированныя чувства.

Но, какъ бы мы ни обьективировали наши чувства, мы, очевидно, не можемъ ихъ лишить реального ихъ значенія, то-есть того свойства, по которому они составляютъ элементъ нашего благополучія или страданія. Ихъ идеальная природа такова, что требуетъ этого ихъ реального значенія. Они реальны уже потому, что субъективны.

Отсюда можно объяснить обыкновенныя стремленія психологовъ свести всю душевную жизнь на ощущенія, какъ на такія явленія, которыя будучи вполнѣ субъективными, въ то же время несомнѣнно реальны.

Отсюда же происходитъ практическая *соблазнительность* чувствъ для человѣка, безпрестанная погоня людей за пріятными чувствами въ ущербъ истинѣ и нравственности. Пріятное чувство имѣетъ оправданіе въ себѣ самомъ, оно—само себѣ цѣль, не нуждается ни въ какой другой реальности. Поэтому умъ, который помнитъ прошедшее и предвидитъ будущее, часто считается помѣхою нашему счастью, и *забыться* составляетъ для многихъ условіе наслажденія.

Въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ, слѣдуетъ также признать, что дѣйствительное счастье заключается для насъ въ нашихъ чувствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, познанія наши, какъ свидѣлствуетъ исторія, могутъ быть очень невѣрны, очень обманчивы. Точно также, наша дѣятельность можетъ быть бесплодна, неудачна и подавлена обстоятельствами. Но одно насъ не обманетъ, одно всегда принесетъ намъ счастье,—совершенная чистота и спокойствіе души, то настроеніе чувствъ, которое извѣстно подъ именемъ *святости*.

XII.

В о л я.

Наши *дѣйствія* находятся въ нашей *власти*, подчинены нашей *воле*. Вотъ простѣйшее обозначеніе того, что такое *воля*. Она не есть источникъ или производящая причина нашихъ дѣйствій; кругъ нашихъ дѣйствій данъ намъ помимо нашей воли: онъ зависитъ отъ свойства и силъ нашей души и тѣла, и никакая воля не можетъ расширить и измѣнить его. Но волѣ дано *избирать* между этими данными дѣйствіями, или *воздерживаться* отъ нихъ. Эту власть нашу надъ нашими дѣйствіями (не надъ всѣми, но надъ нѣкоторыми) мы называемъ *произволомъ*, *свободой*, и приписываемъ ее, въ большей или меньшей степени, всѣмъ одушевленнымъ существамъ. По русски *воля* и *свобода* — синонимы, и «несвободная воля» есть *contradictio in adjecto*.

Когда хотятъ объективировать волю, то обыкновенно называютъ ее *силой* и приписываютъ ей *дѣйствія*. Но всякая сила подчинена извѣстнымъ законамъ, отъ которыхъ не можетъ уклоняться. Выбирать и воздерживаться никакая сила не можетъ, и «свободная сила» есть такое же *contradictio in adjecto*, какъ и «несвободная воля». Напротивъ, чтобы правильно понимать волю, мы должны объективировать всѣ силы и дѣйствія души, и потомъ представить, что воля распоряжается ими, слѣдовательно, стоитъ выше силъ и дѣйствій одушевленнаго существа, а не въ числѣ ихъ, не на ряду съ ними. Если же такъ, то она объективирована быть не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ объективировать *выборъ* и *воздержаніе*? Противники истиннаго понятія о волѣ обыкновенно и говорятъ, что выбора нѣтъ, а есть только уничтоженіе одного желанія другимъ. Но всѣ мы знаемъ, что человѣкъ, душа котораго находится во власти борющихся желаній, который повинуется лишь сильнѣйшему изъ нихъ и не можетъ воздержаться ни отъ одного, пока оно не подавлено другими, есть жалкое существо, не умѣющее владѣть собою, лишенное *воли*. И всѣмъ намъ понятно, что значить — стать выше своихъ желаній и стремиться одни подавить, а другія воспитать и усилить. Мы можемъ объективировать свои желанія, то есть сдѣ-

дать их *тщетными* и *ложными*, какъ выражается Декартъ, обратить ихъ въ простыя явленія внутренняго міра, и уйти отъ нихъ въ свое недоступное я.

Изъ всѣхъ чертъ душевной жизни воля наименѣе доступна объективаци. Познаніе еще можно себѣ представить объективно въ видѣ какой-то связи между существами, въ видѣ ихъ отношеній между собою или дѣйствій другъ на друга. Чувство обыкновенно объективируется въ видѣ *состоянія* чувствующаго существа, или внутренняго процесса, въ немъ совершающагося, отчего для обозначенія чувства вошли въ употребленіе такія слова, какъ *потрясеніе*, *волненіе*, *émotion* и т. д. Но волю невозможно объективировать даже и несовершеннымъ образомъ.

Никто, кажется, лучше Шопенгауэра не выразилъ этой невозможности объективнаго пониманія воли.

«Если мы предположимъ», говоритъ онъ, — «свободу воли, «то каждое человѣческое дѣйствіе было бы необъяснимымъ «чудомъ, именно — дѣйствіемъ безъ причины. И если мы отва-
«жимся попытаться сдѣлать себѣ представляемымъ такое *libe-*
«*rum arbitrium indifferentiae*, то скоро увидимъ, что умъ при
«этомъ собственно становится въ тупикъ: у него нѣтъ никакой
«формы, чтобы мыслить что-нибудь подобное. Ибо, законъ осно-
«ванія, принципъ всегдашней опредѣленности и зависимости
«явленій однихъ отъ другихъ, есть самая общая форма нашей
«познавательной способности, форма, смотря по различію ея
«объектовъ, принимающая различныя виды. А тутъ мы дол-
«жны мыслить нѣчто такое, что опредѣляетъ, не будучи само
«опредѣляемо, что безъ принужденія, слѣдовательно, безъ осно-
«ванія производить, напримѣръ, *A*, тогда какъ могло бы про-
«извести точно также *B*, или *C*, или *D*, и притомъ могло
«бы вполне, могло бы при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ,
«такъ что въ *A* не содержится ничего такого, что давало-бы
«ему преимущество (такъ какъ преимущество было бы моти-
«вациею, причинностію) передъ *B*, *C*, *D*. Мы приводимся здѣсь
«къ понятію *абсолютно случайнаго*. Повторяю: при этомъ умъ
«становится совершенно въ тупикъ, если только мы можемъ
«довести его до такого тупика» *).

*) Die beide Grundprobleme der Ethik, 2-te Ausg. Leipz. 1860. S. 45.

Тутъ ясно, что затрудненіе является вслѣдствіе объективнаго представленія всего процесса. Невозможно, говорить Шопенгауэръ, — чтобы какое бы то ни было дѣйствіе не было вполне опредѣлено его условіями; слѣдовательно, нѣтъ произвольныхъ дѣйствій. Объективно это совершенно несомнѣнно. Но въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ условій есть *мое соизволеніе*, а это соизволеніе я лишь совершенно неправильно могу признать за что-то объективное и поставить въ одинъ рядъ съ другими условіями. Объективировать его я имѣю столь же мало права и возможности, какъ объективировать познаніе или чувство.

Вотъ почему, только тотъ міръ, который мы вполне объективируемъ, только міръ вещественный мы признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ областью полной необходимости, тогда какъ самымъ низшимъ одушевленнымъ существамъ приписываемъ зачатки произвола.

XIII.

Полная жизнь души.

Итакъ, *истина, благо и свободная дѣятельность* суть понятія, стоящія выше обыкновенныхъ формъ познанія, требующія какъ бы особаго рода мышленія, и въ то же время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей душевной жизни. Не только человѣкъ, но и всякое одушевленное существо потому лишь и называется одушевленнымъ, что можетъ страдать и наслаждаться, имѣть зачатки познанія и произвола. Душевная жизнь, подобно свѣту, можетъ имѣть безчисленныя степени, отъ яркаго солнечнаго сіянія до сумерекъ, граничащихъ съ тьмою. Истинная ея природа обнаруживается, конечно, при полномъ ея раскрытіи, слѣдовательно, въ человѣкѣ, и въ тѣ минуты полной душевной энергіи, которая иногда испытываетъ человѣкъ. Рассматривая эту полную душевную жизнь, мы видимъ, что признаніе истины, блага и свободы, то есть признаніе за на-

шею душевною жизнью реального значенія, дѣйствительнаго содержанія, составляетъ то необходимое условіе, при которомъ только и можемъ мы жить, безъ котораго мы видимъ передъ собой пустоту, ничтожество и безсмысліе. Поэтому можно, кажется, начинать психологію прямо съ этихъ понятій, которыхъ ни откуда нельзя вывести, и безъ которыхъ нельзя имѣть представленія о душѣ и ея жизни. Установивъ эти понятія, можно затѣмъ дѣлать постепенныя отвлеченія. Напримѣръ, анализируя истину, благо и свободу, мы найдемъ, что тутъ вездѣ предполагается нѣкоторый субъектъ, наше я, для котораго только и можетъ существовать и истина, и благо, и свобода. Затѣмъ, если за этимъ субъектомъ признать исключительную реальность, то все содержаніе нашей души можно разсматривать какъ лишенное реального значенія. Тогда мы получимъ *мысли* и *представленія* вмѣсто познаній, *чувства* вмѣсто добра и зла, *желанія* и *стремленія* вмѣсто дѣйствій воли,—словомъ, мы получимъ нашъ внутренний міръ, субъективную сферу нашей души. Утвердившись на точкѣ зрѣнія субъективизма, мы потомъ найдемъ, что нѣтъ различія между сномъ и бдѣніемъ, и слѣдовательно, что вещественный міръ неизвѣстенъ намъ съ непосредственною достовѣрностью. И такимъ образомъ мы опять достигнемъ той Архимедовской точки опоры, съ которой начали, то есть: *cogito, ergo sum*.

XIV.

Заключеніе.

Во всякомъ случаѣ, психологія, непосредственно изучая нашу душевную жизнь, должна намъ представлять самыя сильныя, по простотѣ и живости, доказательства, съ одной стороны—противъ скептицизма, а съ другой—противъ материализма и нецессаріанизма.

Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность, какъ о томъ училъ и Декартъ. Метафизики стремятся объективировать душу; они разсматриваютъ ее какъ

нѣкоторое существо, которому свойственны познаніе, чувство и воля, и потому предлагаютъ вопросъ: есть ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ дѣятельностяхъ души? Но для того, кто станеть на точку зрѣнія психологіи, сущность душевной жизни заключается именно въ познаніи, чувствѣ и волѣ, такъ что если бы мы стали отрицать ихъ реальность, то не о чемъ было бы намъ и говорить.

Какую бы науку мы ни излагали, мы должны крѣпче всего держаться за самый предметъ изученія, и больше всего бояться внесенія въ него предвзятыхъ понятій. Эти предвзятія понятія могутъ быть таковы, что совершенно закроютъ отъ насъ нашъ предметъ, не дадутъ намъ и дойти до него, а заставятъ лишь блуждать вокругъ него. Такъ, матеріалисты, берущіеся за психологію, можетъ, при самыхъ добросовѣстныхъ усиліяхъ, никогда не дойти до пониманія психологическихъ вопросовъ. Такъ, мы видѣли примѣры логиковъ, которые, задавшись съ самаго начала понятіями, отрицающими мышленіе, пишутъ большіе трактаты, неизбѣжно сводящіеся только къ одному этому отрицанію. Что касается до психологіи, то различіе между субъектомъ и объектомъ, и далѣе—различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій суть главныя черты ея предмета, и кто не понялъ этого различія, какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни рассуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ, касающихся души, но не о самой душѣ.

1878 г.